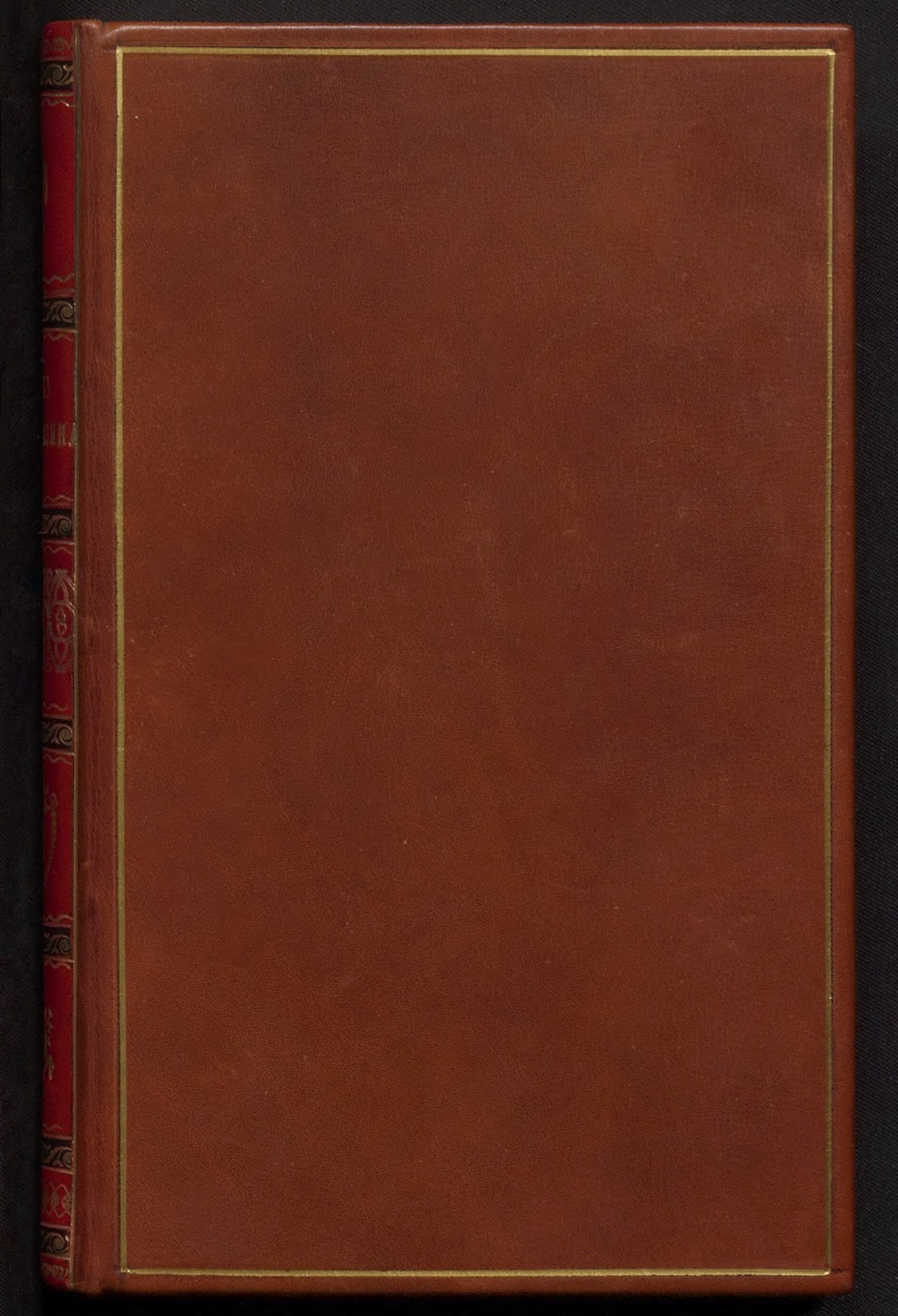
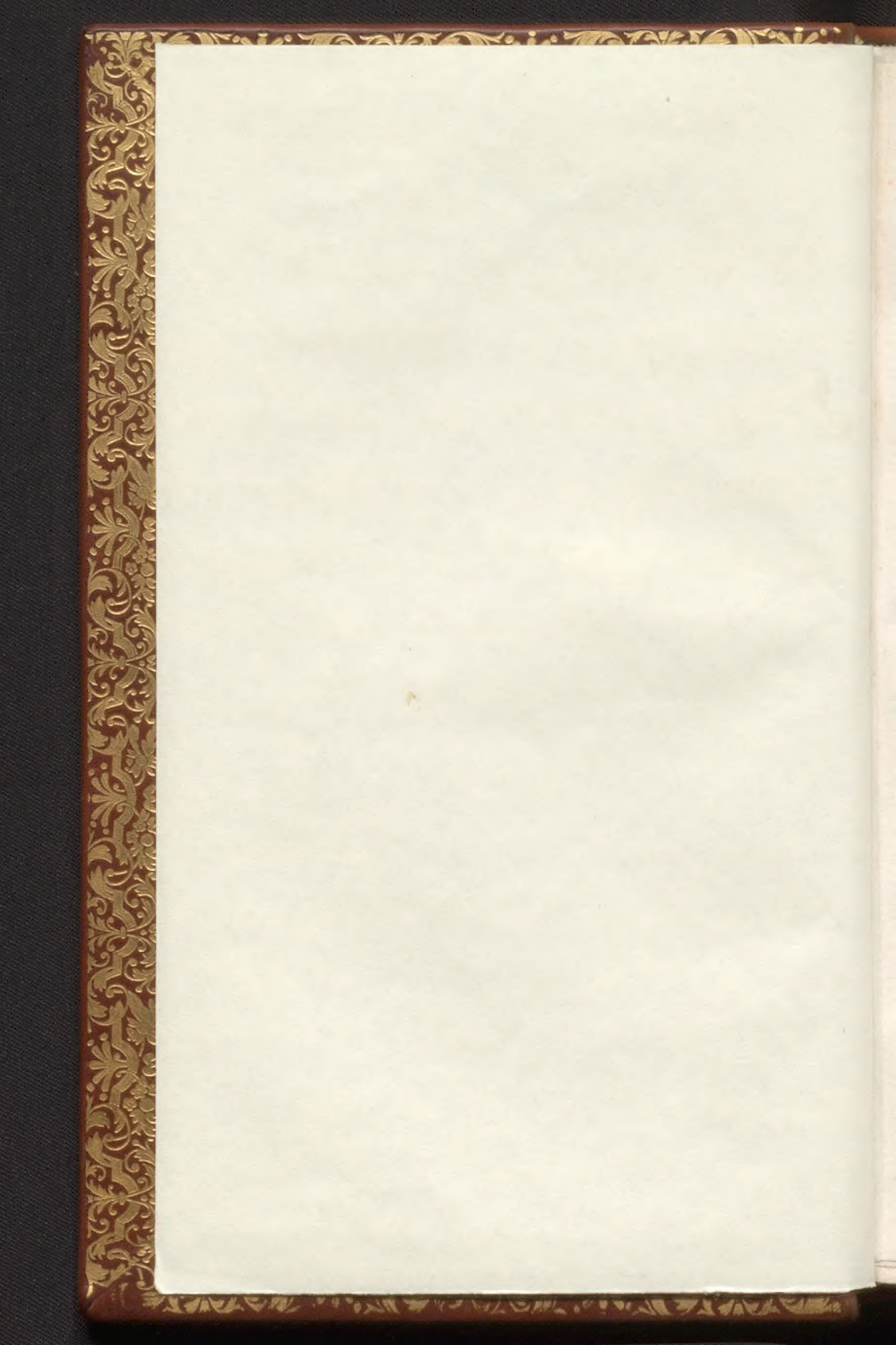
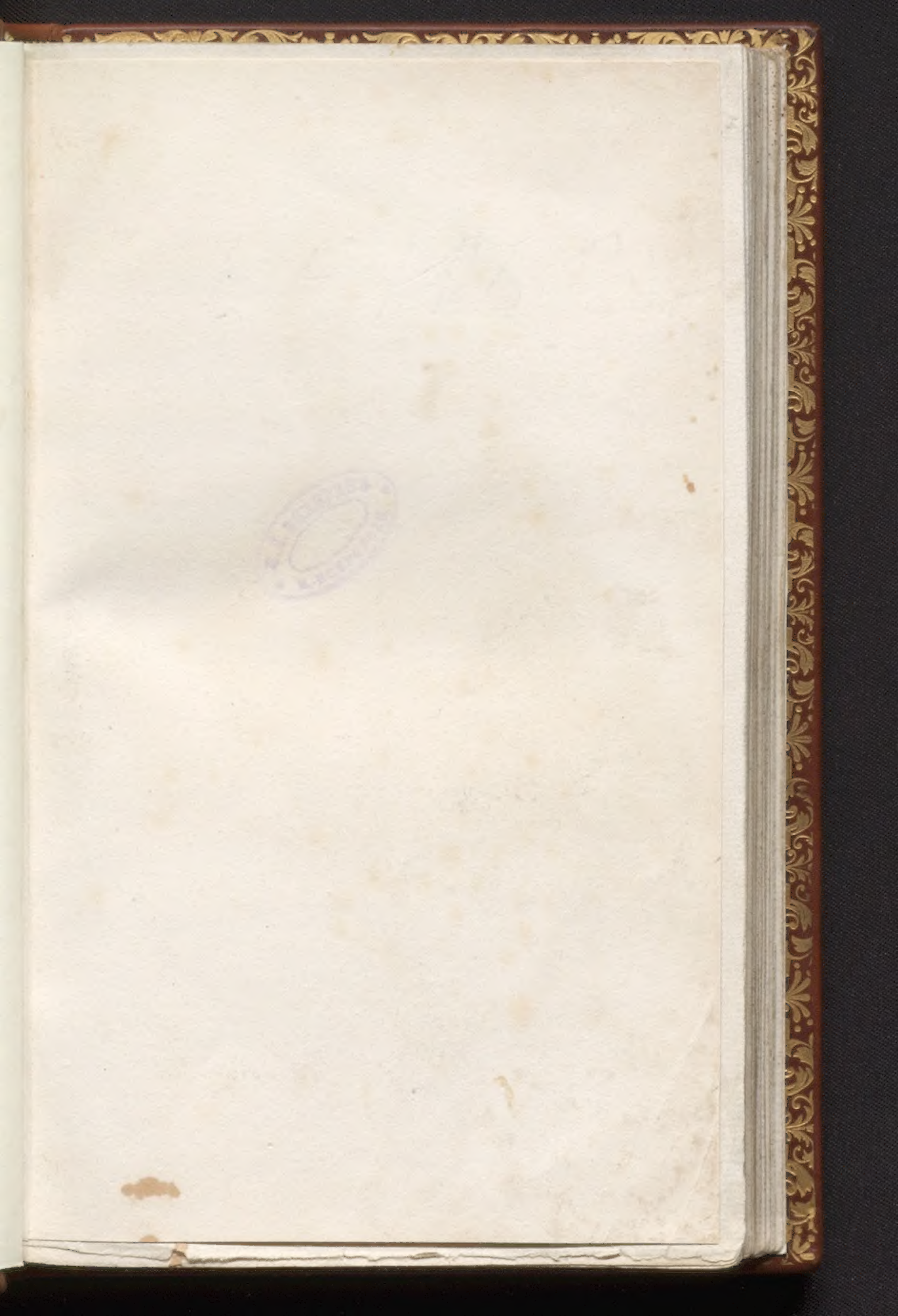

Согражданъ слава, мудрыхъ честь,
Безсмертный подвигомъ Писателя, Витіи,
Успѣлъ отчизнѣ онъ великій даръ принесть:
И гробъ его кропимъ слезами всей Россіи!
Ник. Иванъ. Писаревъ.

ДУХЪ КАРАМЗИНА,

ИЛИ

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ

И

ЧУВСТВОВАНІЯ СЕГО ПИСАТЕЛЯ.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ

НѢКОТОРЫХЪ ОБОЗРѢНІЙ

И ИСТОРИЧЕСКИХЪ ХАРАКТЕРОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирург. Академіи.

1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Генваря 31 дня, 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ДМИТРІЕВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

ОРДЕНОВЪ:

Святаго Александра Невскаго, Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени и Святыя Анны

КАВАЛЕРУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

Иванъ Ивановичь!

Дружеская связь Ваша съ незабвеннымъ Авторомъ сихъ статей образуетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашей Словесности. Потомки Россіянъ не престанутъ воспоминать о ней съ умиленіемъ: ибо дружба двухъ сердецъ, еще отъ юности ихъ благословляемая Небомъ, участница ихъ первыхъ впечатлѣній и зрѣлыхъ думъ созрѣвшаго возраста, дружба двухъ Мужей, рожденныхъ любить все доброе и изящное, и ихъ прославленіемъ прославить Отечество, есть нѣчто возвышенное, торжественное, святое на землѣ. Не она-ли была живительнымъ огнемъ для двухъ великихъ талантовъ; опредѣлила имъ не разлучаться и на

Парнассѣ, раздѣлять первенство среди любимцевъ Россійскихъ Музъ, и вмѣстѣ быть славой и утѣшеніемъ своихъ сограждань? Вотъ одна изъ причинъ, побудившихъ меня посвятить Вамъ сію книгу, и она есть одна изъ ближайшихъ къ Вашему сердцу. — Простите, если воспоминаніемъ союза, нынѣ одною смертію прерваннаго, я растравляю глубокую рану его. Но я удостоенъ бесѣдовать съ Мужемъ, обыкшимъ покорять всѣ частныя отношенія общимъ: и такъ, имѣя причины болѣе общія, осмѣливаюсь продолжать.

Рвеніе Ваше ко всему, что имѣетъ предметомъ полезное; пламенное участіе во всемъ, что относится къ просвѣщенію умовъ, къ усо-

вершенствованію языка и слога; бесѣды съ Музами, которыя не преставали быть услажденіемъ общественной и гражданской жизни Вашей, и украшали часы успокоенія Вашего отъ трудовъ, человѣчествомъ благословляемыхъ; ободрительное воззрѣніе, которое Вы обращаете и на первые плоды возникающихъ талантовъ, что неоднократно я самъ имѣлъ счастіе испытать; — все сіе было не менѣе основательнымъ для меня убѣжденіемъ въ успѣхѣ моихъ занятій: ибо здѣсь собраны лучшіе образцы прозаическаго слога, лучшія мысли и чувствованія, которыя отозвались подъ Небомъ Отечества.

Благосклонное вниманіе Ваше къ моимъ намѣреніямъ и цѣли сего изданія будетъ для меня самою лестною наградою.

Съ нижайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе сей книги имѣло два предмета: признательность къ знаменитому Автору, и пользу для его соотечественниковъ. Первая, будучи такимъ чувствомъ на землѣ, котораго и чрезмѣрность дозволена человѣку, обращается въ обязанность, когда бываетъ оправдана важными заслугами, когда относится къ такому согражданину, который сдѣлалъ бы честь всякому вѣку, всякой странѣ своимъ появленіемъ. — Польза очевидна: не рѣдко одна мысль, нравственное правило, часто одно изрѣченіе великагò Писателя, бываютъ

фаросомъ, который на бурномъ Океанѣ жизни хранитъ нашъ утлый челнъ отъ сокрушительныхъ камней. Если же, обращаясь къ людямъ, онъ говорилъ имъ какъ сынамъ Неба, заповѣдая имъ любить Добродѣтель; какъ сынамъ Отечества, поставляя любовь къ нему основою гражданскаго благосостоянія; если, обращаясь къ питомцу Музъ, былъ ему вождемъ къ безсмертію: тогда всякое слово его дѣлается драгоцѣнностію для каждаго.

Сограждане знаменитаго, незабвеннаго Карамзина не найдутъ лучшей дани, которая бы свидѣтельствовала объ ихъ признательности, какъ сооруженіе ему памятника изъ собственныхъ его твореній; и въ то же время не найдутъ пріятнѣйшаго и полезнѣйшаго дара для современниковъ своихъ и потомства.

Сія книга была составлена еще при жизни Исторіографа; но Издатель не рѣшался сдѣлать ее для всѣхъ общею, благоговѣя къ правиламъ скромности, которая отличала безпримѣрный характеръ сего Мужа. — Нынѣ, когда воспоминаніе о трудахъ и заслугахъ его осталось единственнымъ способомъ утѣшиться въ его утратѣ, Издатель, удовлетворяя желанію друзей своихъ и многихъ соотечественниковъ, и движенію собственнаго сердца, приноситъ на гробъ его сіи цвѣты, имъ же насажденные.

Первая часть сей книги заключаетъ въ себѣ мысли Философа, Патріота, Литератора. Вторая мысли Дѣеписателя, обозрѣнія и характеры главнѣйшихъ историческихъ лицъ.

Выборъ статей, помѣщенныхъ здѣсь, не представляетъ тѣхъ затрудненій,

которыя часто встрѣчаются Издателямъ сего рода книгъ, затрудненій, иногда невыгодныхъ для самаго Автора. Не взирая на пространство тридцати шести лѣтъ, раздѣляющее многія изъ статей, нигдѣ (говоря языкомъ извѣстнаго Сатирика) не удивятся онѣ встрѣчи своей, нигдѣ не оскорбятъ своимъ сближеніемъ ни господствующаго вкуса, ни приличій относительно политическихъ и нравственныхъ мнѣній. Творецъ ихъ, имѣя даръ распространять и дѣлать общими свои идеи; бросая ровный взоръ на Природу и Человѣка; тѣмъже взоромъ обнимая прошедшее и настоящее; не измѣняя стремленію души своей къ одному лишь доброму и прекрасному, и устранивъ отъ себя все частное, личное, — не преставалъ говорить для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Премудрость

и благость Высочайшаго Существа; красоты видимаго міра; благородство Человѣка; любовь къ Отечеству; его слава и долгоденствіе; польза отъ Наукъ, Словесности и Художествъ; непорочныя внушенія любви и дружбы; добрые нравы, и счастіе согражданъ: вотъ предметы, постоянно исполнявшіе его душу! Тщетно строгая разборчивость, соображая времена и обстоятельства, будетъ искать неприличнаго настоящему времени, или противорѣчій тамъ, гдѣ все неизмѣняемо, какъ сама Истина; гдѣ все вѣчно, какъ сама Добродѣтель.

»О! какъ завидѣнъ (говоритъ кра-»снорѣчивѣйшая Писательница на-»шего времени), какъ прекрасенъ бы-»ваетъ талантъ, когда, облекшись »въ очаровательный образъ искус-»ства, служитъ единственно къ воз-

»бужденію въ человѣкѣ благородныхъ »чувствованій и спасительныхъ на»деждъ, часто усыпленныхъ во глу»бинѣ его сердца (*)!«

Юноши, стремящіеся на славное поприще Наукъ и Сло́ва! если внимая сему вѣщанію, сильно трепетало сердце ваше: то сія книга принадлежитъ вамъ исключительно. Смотря въ сіе зерцало души возвышенной, каждый изъ васъ поревнуетъ

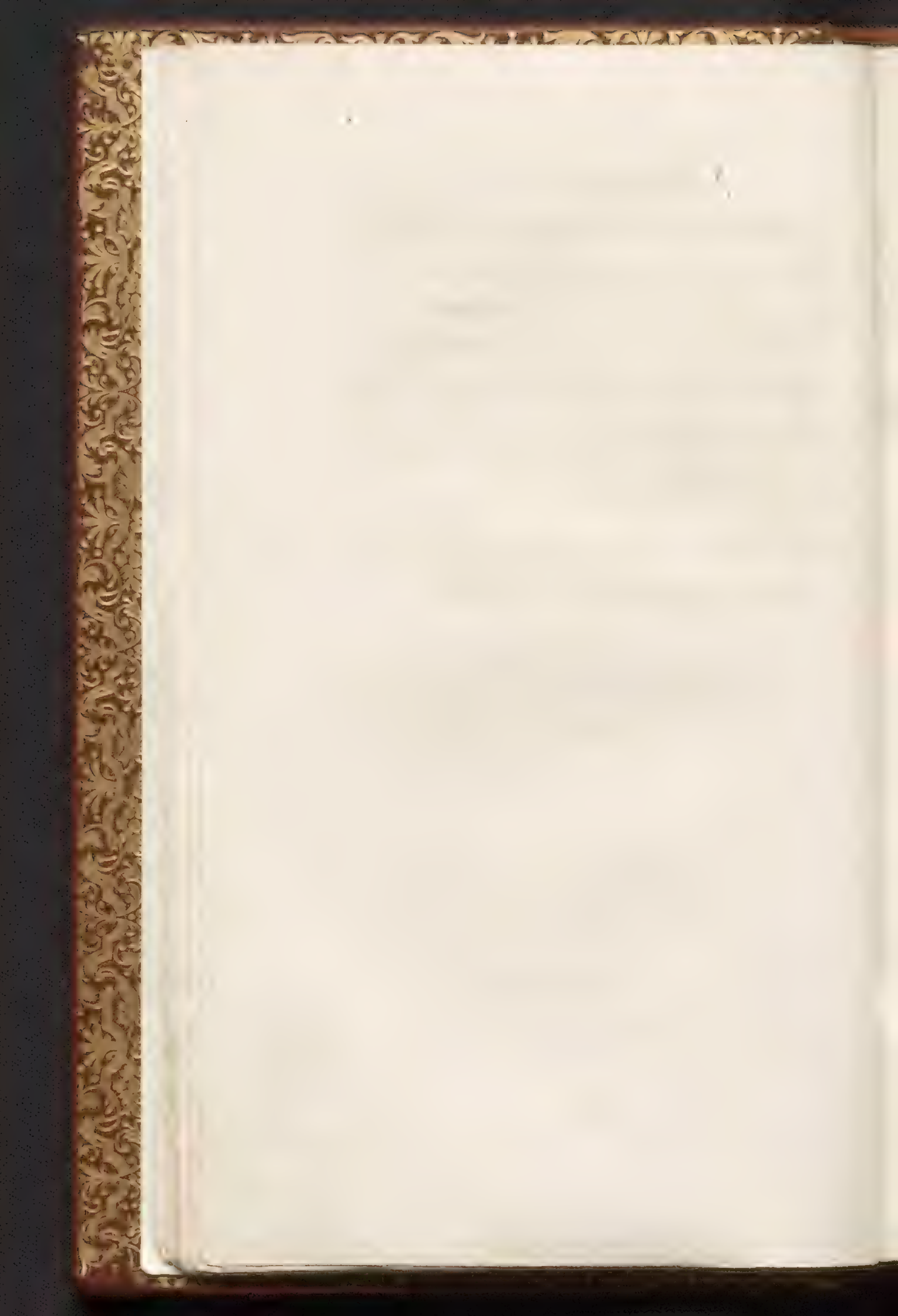
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ.

Въ слогѣ весь человѣкъ; и такъ въ сихъ благозвучныхъ, поучительныхъ, образцовыхъ страницахъ дѣти и внуки наши увидятъ нравственный портретъ незабвеннаго; скажутъ: таковъ былъ Карамзинъ! — и будутъ

(*) Гжа Сталь, *о Германіи*.

учиться у него мыслить, чувство-
вать, выражать первые начатки сво-
ихъ соображеній, первые порывы ума
и сердца, и — что всего драгоцѣннѣе —
будутъ стараться такъ жить, какъ
желали писать.

Памятникъ царственнаго Мужа,
Героя, благодѣтеля человѣчества —
его дѣянія; памятникъ великаго Пи-
сателя — его мысли и чувства.

Я стараюсь уменьшать число горестныхъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всетворящемъ Божествѣ, которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. «Развѣ оно не любитъ человѣка?» думаю самъ въ себѣ: «развѣ оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ его рукѣ вмѣстѣ съ милліонами другихъ міровъ?»... Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше — и взоръ мой проясняется; отираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ.

—※※※—

Не уже ли не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ?

Уже ли, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Уже ли откажемся на вѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей, благо*

сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной.

Уничтожься на вѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель — чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ, и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ! Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце, и скажу атеисту: ты безумецъ!

Не уже ли, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ

физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, естьли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу Великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ моральный не столь явственъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая гармонія. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческой? — Можетъ быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ; можетъ

бышь, то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сіи мысли ведутъ меня ко Святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; я упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Чего бы не льзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когдабъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горитъ ихъ билліоны. Тотъ, Кто великолѣпно прославилъ Себя въ Натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. — Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ путяхъ ея: не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! Что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣ-

ютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Пиѳіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее (*). *Нѣтъ! я знаю моего друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; чтобы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе.*

Для чего къ Провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ него ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратитъ все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце. Вкусимъ сладость ея, и лучь утѣшенія кротко озаритъ мракъ души нашей. Горе

(*) Дамонъ и Пиѳіасъ — славные друзья въ древности.

той философіи, которая все рѣшить хочетъ!

Я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы въ самую сію минуту надлежало мнѣ умереть, то я съ слезой любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я тоже, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая благость не была бы высочайшею Благостію, естьли бы она съ

которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то усладительной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал̃ъ на жребій человѣка! Погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Здѣшній свѣтъ есть прологъ Драмы.

Однажды просидѣлъ я цѣлую ночь за переводомъ Аддисоновой Оды (въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятые имъ отъ руки Его); и въ ту самую минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня пер-

выми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

—⁂—

Въ письмѣ изъ Женевы, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая движетъ и міры и атомы; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

—⁂—

Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ Божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ при-

знавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ (*).

Сократъ былъ славою не только Аѳинъ, но всего человѣчества. Счастливъ, кто объ немъ слезы проливаетъ.

Какъ первые пріемы философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а даль-

---

(*) Приведенная здѣсь въ примѣръ Декартова Гипотеза напоминаетъ отвѣтъ Женевскаго философа Бернаденю Сентъ-Піеру на вопросъ: какъ могутъ люди одаренные Геніемъ утверждать и поддерживать такое странное правило? *Другъ мой*, отвѣчалъ Руссо, *когда человѣкъ начинаетъ умствовать, онъ перестаетъ чувствовать.*
Издатель.

нѣйшее употребленіе сего драгоцѣннаго эликсира снова обращаетъ ихъ къ вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человѣка отъ Натуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней.

—⁂—

Среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.

—⁂—

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на пріятное мѣстоположеніе Цириха, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро и на красные его берега, гдѣ нѣжный Гесперъ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ

величіемъ излились въ его ГерманѢ; гдѢ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѢ Вилландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ музами и мечтали для потомства; гдѢ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати-девяти вѢковъ, видѢлъ въ духѢ своемъ древнѢйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѢвца Боговъ и Героевъ, сѢдаго старца Гомера, лаврами увѢнчаннаго, и пѢснями своими восхищающаго Греческое юношество — видѢлъ, внималъ, и въ вѢрномъ отзывѢ повторялъ пѢсни его на языкѢ Тевтоновъ (*).

Обширное Цирихское озеро разливается

(*) Штолбергъ перевёлъ Илліаду. *Авторъ.*

Читатель вспомнитъ, что это писано прежде изданія славнаго перевода Илліады Гна Фосса.

Издатель.

у насъ передъ глазами, и почши подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ.

(*Рейнской водопадъ*). Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ

шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для насъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находитъ словъ для описанія сего ужасно-великаго явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго потопа, когда Правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажный гробъ развратнаго человѣчества, водная стихія ярилась такъ, какъ она здѣсь ярится.

Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, произво-

димыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движенiй, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть.

Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденiя возвышаются двѣ скалы, или два огромные камни, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усилiе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — подобно великому мужу (скажетъ Стихотворецъ), непреклонному среди бѣдствiй, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока; — а другой камень едва держится на своемъ основанiи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, цер-

ковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Мы наняли лодку, и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывается въ моемъ слухѣ.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленыя рѣшетки вѣтвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчиваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живу-

щихъ въ простотѣ Натуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною (*)?

—⁂—

(*На Альпахъ*). Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости изчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердеч-

---

(*) Это мѣсто напоминаетъ сказанное Л. Расиномъ:

Le Ciel a ses amis — — — —,
Nous les reconnoissons à cette douce paix....

Издатель.

ваго моленія – Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое могущество, Свое величіе, Свою вѣчность!... Я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ, для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, которыя унижаютъ благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями окованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставля-

ютъ едва примѣтныя слѣды, забываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той Всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

—⁂—

(Въ письмѣ съ Алпійскихъ горъ). Теперь сижу я на голубой Юрѣ, повыше городка Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро, какъ зеркало представляется глазамъ моимъ. По сю сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся

люди, какъ дѣятельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ . . . . Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

По свѣтлому небу катится вечернее солнце, въ тихомъ великолѣпіи и въ кроткомъ величествѣ. Уже достигаетъ оно до вратъ запада — мерцаетъ за тонкимъ златоволнующимся облакомъ — разстопляетъ его лучами своими — бросаетъ на землю блескъ и сіяніе — и скрывается. — Вечерняя заря алѣетъ на западѣ. — Такъ

мудрый и добродѣтельный мужъ, котораго жизнь была благотворнымъ свѣтиломъ для нравственныхъ существъ, собратій его, тихо и великолѣпно приближается къ цѣли своего теченія. Пылкое воображеніе съ лѣтами прохлаждается, но разумъ не темнѣетъ и на западѣ жизни; спокойное величество блистаетъ на челѣ мудраго и въ самое то время, когда мрачная могила передъ нимъ разверзается; послѣдній ясный взоръ его есть послѣднее благодѣяніе для человѣчества. Онъ скрывается, но память его сіяетъ въ мірѣ, какъ заря вечерняя.

Быть счастливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неистощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ отсутствіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человѣкъ онъ пер-

вой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растѣнію, лишенному животворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человѣкъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уединеніе кажется единственною его отрадою, единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на Океанѣ безпокойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною природою; тамъ съ горестію воспоминая жестокую холодность людей, онъ утѣшится мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядо-*

витъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предмѣтъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца, или кроткимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не питаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорятъ Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго зна-

ченія. Какая мысль останется въ душѣ, естьли она забудетъ свѣтъ? а воспоминая его, скоро начнетъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предмѣты. Такъ все, что давно миновалось, отъ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсъ неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ примѣсъ нечистоты въ горнилѣ — и добродушный пустынникъ или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтѣ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда

основательной, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ Жака.

Нѣтъ, уединенiе есть худой товарищь для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенiя. Чтобы прiятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостiю воображенiя, всѣмъ Эпикурейцамъ чувствительности, совѣтую иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенiя, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствiе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля

Блистаютъ красотой, одеждою, умомъ,

выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тотъ чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. «Величественный шумъ деревъ, качаемыхъ вѣтромъ надъ моею головою (говоритъ одинъ писатель) есть мистическій языкъ Натуры, который бываетъ для меня священнѣе послѣ городскаго шума.»

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно тѣмъ людямъ, съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но съ которыми жить всегда тягостно уму и сердцу.

Временное уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ

убѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предмѣтовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чтобы въ густыхъ тѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ человѣка въ гражданской жизни, и слогъ его въ семъ твореніи имѣетъ свѣжесть Природы.

Временное уединеніе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется сама въ себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоя-

щимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ кроткомъ покоѣ души насладиться еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? по крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаетъ страсти.

—⁂—

Для привязанностей нѣтъ срока: всегда можно любить, пока сердце живо.

—⁂—

Вѣрнѣйшая, пріятнѣйшая спутница жизни для сердца благороднаго, чувствительнаго отъ колыбели до могилы, есть Дружба. Съ нею играемъ цвѣтами въ дѣтствѣ; съ нею дѣлимъ восторги юношества и любви; ей въ лѣтахъ му-

жества повѣряемъ великодушныя намѣренія славолюбія, важные опыты и мысли сокровенныя. Въ то время, когда всѣ иныя утѣхи, склонности, страсти оставляютъ насъ, когда любовь гаснетъ въ сердцѣ и въ воображеніи, когда честолюбіе, насыщенное или обманутое, засыпаетъ въ душѣ утомленной; когда самая надежда отлетаетъ отъ угрюмой старости: Дружба и тогда еще стоитъ за нами съ кроткою улыбкою привѣтствія, готовая внимать послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ о жизни и мірѣ, утѣшать, ободрять насъ именемъ Провидѣнія, Вѣчности и Добродѣтели (*).

(*) Эта статья, нигдѣ еще ненапечатанная, была вписана рукою Автора въ Альбомъ почтеннаго друга его, Ивана Ивановича Дмитріева, который, въ знакъ особенной ко мнѣ благосклонности, позволилъ мнѣ выписать ее, и помѣстить въ сей книгѣ.

Издатель.

Мы живемъ въ печальномъ мірѢ: но кто имѢетъ друга, тотъ пади на колѢна, и благодари ВездѢсущаго.

—⁂—

Я жалѢю о томъ человѢкѢ, который занимается Литтературою и не имѢетъ знающаго друга!

—⁂—

Часто самая простая мысль, согрѢтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѢта, разсѢвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

—⁂—

Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѢйшая. Она сливается въ чувствительной системѢ нашей со всѢми плѢнительными воспоминаніями весеннихъ лѢтъ, сего краснаго утра жизни.

—⁂—

Темныя, лестныя, милыя надежды сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть счастливымъ, узнаю счастіе только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молніи, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть! Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и подымаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастія, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ;

опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности счастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея.

Молодость прошла: любовь какъ солнце скатилось съ горизонта — и чтожъ осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣемъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава? . . . Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовью растерзаннаго сердца, но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой. — Жизнь

нашна дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, «тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная «моего сердца!» потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣй-

шей тратѣ: тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искреннiй дружескiй разговоръ, даже ласки вѣрной собачки, извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности: но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сiи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцарiи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «*доброе утро*, господинъ!» Что со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствiе: «*добрый вечеръ!*» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! сперва говорятъ о человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства

и угадывая тѣ, которыя *со временемъ будутъ моими!* (*)

Вопреки Жанъ Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна.

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливѣйшею?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полномъ развитіи, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удоволь-

(*) Слѣдующая статья покажетъ ихъ.
Издатель.

ствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія.*

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Естьли бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли уклонясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ

юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе. —

Въ сие время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семѣйственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; живемъ дома: живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта: менѣе огорчаемся неудачами: ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено: стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества: хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими

трудами обогащенныя — садикъ нами обработанный — земледѣльцы насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина . . . . Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! . . . Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его

въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній .... Ясный взоръ на міръ открываетъ истинну, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль, утѣшительная

для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ физическимъ бытіемъ.

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! Не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою.... Не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ развитіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!*

Здѣсь (*Авторъ былъ тогда въ Англіи*) рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и счастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, здѣсь женщины скромны и благонравны,

слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей, впрочемъ и самые Англійскіе Лорды, и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ*, или *принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть счастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастію.* Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ

большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи, и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой, теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣ-

тѣ, и говорю мысленно: «Несчастные! «что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома «среди вашего семѣйства, въ объятіяхъ «любви и дружбы, вамъ не сто разъ «пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-«блестящемъ кругу, гдѣ не только до-«брыя свойства сердца, но и самый умъ «едва ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе какой-«то приличности составляетъ всю нау-«ку; гдѣ быть не страннымъ есть верхъ «искуства для мущины, и гдѣ двѣ, три «женщины бываютъ для того, чтобы «удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ про-«чія. . . Богъ знаетъ, для чего? гдѣ съ «большими издержками и хлопотами «люди проводятъ нѣсколько часовъ въ «утомительной игрѣ ложнаго веселья? «Естьли у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ «остается только жалѣть, что вы не «умѣете наслаждаться другъ другомъ, и «не знаете, какъ мило проводить цѣлые «дни съ любезнымъ человѣкомъ, дѣля съ «нимъ дѣло и бездѣлье, въ полной душев-

« ной свободѣ, въ мирномъ расположеніи « сердца. А естьли вы родители, то « пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ « обязанностей человѣчества. Въ самую « ту минуту, когда ты, безпечная мать, « прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая « дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ « рукъ неосторожной кормилицы, чтобы « на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или « семилѣтній сынъ, оставленный съ на- « емнымъ учителемъ и слугами, видитъ « какой нибудь дурной примѣръ, который « сѣетъ въ его сердцѣ порокъ и несча- « стіе. Сидя за клавесиномъ, среди бле- « стящаго общества, ты, красавица, « хочешь нравиться, и поешь какъ ма- « линовка; но малиновка не оставляетъ « птенцовъ своихъ! Одна попечительная « мать имѣетъ право жаловаться на судь- « бу, естьли не хороши дѣти ея; а та, « которая свѣтскія удовольствія пред- « почитаетъ семѣйственнымъ, не мо- « жетъ назваться попечительною. »

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не виновна ли она предъ своимъ мужемъ, какъ скоро хочетъ нравиться другимъ? Что же иное можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣютъ свою постепенность, и переливы едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать выборъ ея мужа*, какъ думаетъ; а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь *знатоку* болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдные дѣти!

Всего же несчастнѣе она сама. Хорошо, естьли бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей, но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ

ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, естьли оскорбленный мужъ убѣгаетъ ея взоровъ: естьли дурно воспитанные дѣти, не обязанные ей ничѣмъ, кромѣ несчастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растравляютъ раны сердца ея знаками холодности, не любви, самаго презрѣнія?... Обратиться ли къ свѣту? но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники изчезли — Зефиръ опахала ея не приманиваетъ уже Сильфовъ — и развѣ подобная ей несчастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей. —

Но главная вина безъ сомнѣнія на сторонѣ мущинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго счастія, и лучше хотятъ быть строп-

тивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и естьли бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязывать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ? —

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества: но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другаго на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая *принужденіемъ*, безъ связи, и всего болѣе безъ интереса. — Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи,

грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ, и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ — и естьли я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа говоритъ: *друзья! пойдемъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и счастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и друзей; а прочее оставимъ на произволъ судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, чрезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ

флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества, говорю я: *Англичане просвѣщены*! Нѣтъ; но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семѣйственнымъ счастіемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

—⁂—

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была *скромность*. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, не проницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красотою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ услаждаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы,

есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взоровъ желанія.

—⁂—

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семѣйственнаго счастія, нежели для славы: мудрено ли, что ихъ имена рѣдки въ Исторіи? Чѣмъ ближе народъ къ простотѣ естественной, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ онѣ на политическую судьбу его. Не одно воспитаніе опредѣляетъ скромную жизнь ихъ: сама Природа хотѣла того, давъ имъ нѣжное сердце, чувствительные нервы, робость, стыдливость и болѣзни. Мы видимъ цѣль ея: кому нибудь надлежало поручить воспитаніе и храненіе младенцевъ. Однакожъ Природа любитъ иногда чрезвычайности, отходитъ отъ своего обыкновеннаго закона и даетъ женщинамъ характеры, которые выводятъ ихъ изъ домашней неиз-

вѣстности на театръ народный, не только въ странахъ просвѣщенныхъ, гдѣ искусство во многомъ измѣняетъ Натуру, но и въ самомъ почти дикомъ состояніи людей. Такимъ образомъ и старая Русь являетъ намъ примѣры нѣкоторыхъ славныхъ женщинъ — весьма не многихъ, но по тому еще болѣе достойныхъ вниманія нашего.

Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души; свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами ли, прозою ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно.

Женщина, самая романическая, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ

прельститься богатствомъ; но богатство теряетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца.

—⁂—

Можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцевъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмѣта, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце? Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? и молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ Океаномъ: но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединить къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для щастія. Хорошо, есть ли отецъ можетъ пору-

чить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо Натура такія даетъ отцу права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность, дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они — не знаю, будетъ ли исключеніе — всѣ они, говорю, любятъ семѣйственныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько пріятностями тихой и домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія: а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и

мысли и чувства; ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими какъ своею милою собственностію и готовитъ свѣту *украшенные образы самаго себя?* Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикой Американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтвяхъ, — Европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому — играть въ карты! дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ и жизнь — старость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ *поселиться дома.* Новыя привычки тягостны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семѣйства не знаетъ по крайней мѣрѣ сей тягости; живя всегда дома, не имѣетъ нужды привыкать въ старости къ кабинету, и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшитель-

ныя воспоминанія: всякой бездушной предмѣтъ есть для него старый другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ о немъ заранѣе!... Я говорилъ только о счастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семѣйствѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семѣйства есть всегда и нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣ-

шей его. — Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ раззоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ беззаконнымъ: онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы нерѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Въ вече-

ру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи. . . Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти *сюрпризовъ* въ одинъ вечеръ, и даже отъ Францускихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, одпѣхъ гражданскихъ и семѣйственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ! Вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего

стоитъ каждый рубль крестьянину; это могло бы излѣчить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей сто рублей за ананасъ для десерта. « Но богатствомъ должно пользоваться? » Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, естьли можно, въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что нибудь долговременное и полезное: учредите школу, гошпиталь; будте отцами бѣдныхъ, и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ имянемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: Рос-

сіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ. —

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ Россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога искуствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, счастіе ихъ есть *сложное*. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣденій, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. — Россіяне одарены отъ

природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли — и обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже ни одного Европейскаго народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?

Тотъ есть для меня истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ, кто любитъ и не согласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его, и не на-

зывай его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите!

—⁂—

Одинъ взглядъ на добраго есть счастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра.

—⁂—

Не льзя писать обо всемъ, что знаешь: назовутъ Сатирикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можетъ быть отъ того, что оно всегда напоминаетъ мнѣ гнусную фигуру Сатира.

—⁂—

Въ деревнѣ всякое искуство противно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженныя березками и липками, производятъ во мнѣ какое-то противное чувство. Дерево пересаженное,

обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкаетъ безъ любви. Натура лучше нашего знаетъ, гдѣ расти дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ.

—⁂—

Просвѣщеніе раждаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіятцы, и которыми славились умные Греки. — Древней столицѣ Рускаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскимъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о самыхъ жителяхъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотъ часъ ве-

душъ его на свои прелестныя *террассы*, въ свои тѣнистыя алеи, которыя украшаютъ всѣ города ихъ. . . .

Иногда думаю, гдѣ быть у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы рѣки между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, естьли бы можно было сломать тамъ Кремлевскую стѣну, гору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльца для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною, и внизу насадить алею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ златоглавыми Соборами и готическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными отлогостями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется столько людей; огромный Воспитательный Домъ съ од-

ной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плотоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеварЪ*, свою *липовую улицу*... Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ.... Сверхъ того Кремль есть любопытнѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе.

Но это одна мысль. Кремлевская стѣ-

на есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? (*)

Въ Архангельскомъ Соборѣ лежатъ всѣ наши Государи, отъ Калиты до Царя Іоанна Алексіевича. Вотъ святилище Исторіи Россійской! сіи безмолвные гробы краснорѣчивы для того, кто, смотря на нихъ, воспоминаетъ преданія Мо-

(*) Сія мысль нѣкоторымъ образомъ исполнилась. Отеческія попеченія АЛЕКСАНДРА Iго о благѣ народномъ, сохранивъ Кремлевскія стѣны, произвели нѣчто дивное въ семъ родѣ. Топкіе, смрадные, безобразные рвы преобратились въ прелестнѣйшіе вертограды, окружающіе нынѣ большую часть Кремля.

Эта статья помѣщена здѣсь для доказательства, что любовь къ Отечеству, исполнявшая душу сего писателя, не упускала ни малѣйшей подробности, касающейся до благоденствія согражданъ.

Издатель.

сковскихъ лѣтописей отъ XIV до XVIII столѣтія. Тамъ искалъ я вдохновенія, чтобы живо изобразить Донскаго и двухъ Іоанновъ Васильевичей (*).

—⁂—

Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній. Здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго, возникла мысль спасительнаго Единодержавія, какъ жизнь среди могилъ и тлѣнія. Здѣсь, подъ звукомъ цѣпей Ханскихъ воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства побѣды и свободы. Здѣсь Донскій развернулъ чер-

(*) Кто испыталъ, какъ сильно дѣйствуютъ подобные предметы на сердце и разумъ наши, и бываютъ источниками твореній великихъ, тотъ не удивится сему. Первая мысль написать славную книгу о Римской Имперіи пришла Гиббону тогда, какъ въ близи отъ сводовъ Пантеона услышалъ онъ нечаянно пѣніе монаховъ.

Издатель.

ное знамя Великокняжеское, чтобы итти на Мамая. Здѣсь Іоаннъ Васильевичь растопталъ Басму, или образъ Хана. Здѣсь началось, утвердилось Самодержавіе, не для особенной пользы Самодержцевъ, но для блага народнаго. Отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Кремль былъ душенъ для тирана!.... Въ Спаскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ Св. крестъ, а въ другой мечь обнаженный, чтобы свергнуть Лже-Димитрія. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежалъ Самозванецъ, выскочивъ изъ окна заднихъ переходовъ дворца. На паперти храма Успенскаго нововѣнчанный, юный Царь Михаилъ лилъ горкія слезы, когда Россіяне лобызали ноги его, также со слезами, но радостными.

Сія священная ограда бывала и ѳеатромъ ужасовъ: тутъ кипѣли волны бунтовъ Стрѣлецкихъ; тутъ издыхалъ на

копьяхъ знаменитый Матвѣевъ! Мысленно видимъ улыбку торжествующей Софіи; видимъ десятилѣтняго Петра, уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей великій Государь, прославивъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жилищемъ Царей: но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и Отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени до времени являются передъ ними въ важныя, рѣшительныя эпохи своего Царствованія!... Такъ мы видѣли здѣсь Александра въ роковой, незабвенный годъ (1812), когда надлежало искусить великодушіе и твердость Россіянъ! Здѣсь померкла блудящая звѣзда Наполеонова.... Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ!

Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и несовершено, есть для меня что-то пе-

чальное. Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ потерянныхъ.

—⁂—

Всякая сильная перемѣна чувствъ ужаса въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него счастія. Надежда замѣнить потерю облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе.

—⁂—

Страсти должны не счастливить, а разработывать душу.

—⁂—

Чѣмъ болѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея.

—⁂—

Лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ. По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія.

—⁂—

Жить долго есть терять милыхъ.

—⁂—

Тамъ (*въ Донскомъ Монастырѣ*) нѣкоторыя эпитафіи младенцевъ сочинены

мною. . . . Но гробы дѣтей моихъ не имѣютъ эпитафій (*).

—⁂—

Добродѣтельныя чувства несовмѣстны съ тоскою: самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Прекрасна и заря Добродѣтели; а что иное есть разкаяніе?

—⁂—

Описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изображеніе его сердца.

—⁂—

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ родится и умираетъ въ отцовской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за

(*) Такъ чувствовать можетъ лишъ нѣжный отецъ; такъ сказать можетъ лишъ великій Писатель!

Издатель.

полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть — и необозримые океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называемъ *непостоянствомъ, любовью къ новостямъ*, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожъ, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла; чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая отъ предмѣта къ предмѣту, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всегда *то же, да*

то же, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.

—⊹⊹⊹—

Замѣчу то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Тамъ все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — на примѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыд-

ливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, а Французъ въ театрѣ.

Скажу: *огонь, воздухъ* — и характеръ Французовъ описанъ.

Кажется будто Французъ *выдумалъ*, или для него выдумано общежитіе.

Никто кромѣ его не умѣетъ прила-

скать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга... Ахъ! друзья вездѣ рѣдки; и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто подобно кометѣ *являясь изчезаетъ*? Дружба есть потребность жизни; всякой хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, *съ букетомъ цвѣтовъ*.

Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ

скоро ему наскучить: ненависть также. По вѣтрености оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою — и даже плачетъ, естьли надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ Французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія; но любовники непостоянны! минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служитъ Революція. Жаль, естьли эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго (*).

—⁂—

(*) Это писано въ 1790мъ году.

Издатель.

Англійской народъ считаетъ чужеземцовъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говорятъ на улицѣ: *это иностранецЪ* — что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ.»

—⁂—

Скажу всякому живописцу: «естьли ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала! и Англичанокъ нельзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ отъ розовыхъ облаковъ неба мелькаютъ алые оттѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умѣю любить нѣжно!*

—⁂—

Кто думаетъ, что счастіе состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ Англійскихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англійской *сплинЪ!* Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Рускимъ имянемъ: *скукою*, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и — зѣваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ несчастливы отъ счастія! я говорю о *праздныхЪ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торго-

влею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знають *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходять и многочисленныя Англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или whim! Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ счастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе; «естьли въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Провидѣніе и Натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не отдѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить!

—❧❧❧—

Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Алцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное счастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную

совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

—⁂—

Натура позволяетъ Искуству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама-Царица.

—⁂—

Я скажу по чувству души моей. . . скажу, что въ самомъ несчастіи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь тѣлесную; покойною ясностію сердца освѣщать

мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротко восхитительное... Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарилъ Небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности.

—✣✣✣—

Мы, мы сами составляемъ тысячу отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ Н. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо. — М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ. — Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду, отъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его сти-

хахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу человѣческую? ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? можно ли назвать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнію!

—⁂—

Для чего намъ дана свобода? для чего мы не рождены машинами? Но спросимъ же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минуту, когда приноситъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей!

—⁂—

Вѣрю и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ златаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто

не любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ, человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицемъ, а добро съ пріятною улыбкою!... Сія черта нравственности любезна философу.

—⁂—

Чернить нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти многіе почитаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія, — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть счастливымъ и добрымъ, или быть счастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? слѣдственно добро само по себѣ любезно

всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть чрезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочный боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ несовмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть несчастный, наказанный судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенный злодѣй, или человѣкъ, который любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть

едва ли не дурная пінтическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ.

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ:

Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на Природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть счастливымъ есть... быть добрымъ.*»

—·⁂·—

Обыкновенный бичь сердца есть дурной нравъ и скука.

Что разумѣемъ мы подъ дурнымъ нравомъ?

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинный Философъ, или (что все одно) истинно-благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ не-

счастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

А какое лѣкарство отъ скуки?

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые по связамъ гражданскаго общества выходятъ изъ — подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріалы, чтобы мы сами ихъ обработывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: « О чемъ писать къ « вамъ, отцы имянитые? и какъ? самъ не знаю; « и лучше хотѣлъ бы страдать, нежели чув- « ствовать такое разслабленіе, какое... но я « ничего не чувствую. »

предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему и не знаетъ скуки; *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно отдаться подъ ея законъ, который велитъ *жить и работать*; надобно, чтобъ *трудъ*, *отдыхъ* и *забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ

нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами; всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, изящныя искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою.

—⁂—

Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: «здѣсь чувство слишкомъ изнѣже-

но для сильнаго наслажденія!» Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: «Здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!» Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго щастія, а подъ окномъ... миловидную женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба, спокойствіе и душевная веселость, тамъ умѣютъ наслаждаться природою, искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

Всего несноснѣе жить въ свѣтѣ безполезно.

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, проницательной умъ, живое воображеніе, и пр. Справедливо: но сего недовольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, есть-

ли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и срѣтать благословенія народовъ.

—✣✣✣—

Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей.

—✣✣✣—

Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

—✣✣✣—

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное

зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ *изящнымъ*, изображать красоту, гармонію, и распространять въ *области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Естьли Натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минуту раздора своего съ красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти — оставь свое намѣреніе. Ты берешся за перо, и хочешъ быть Авторомъ: спроси же у самаго себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я*? ибо ты хочешъ писать портретъ души и сердца своего.

Естьли душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*: тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ — онѣ пройдутъ мимо ве-

диколѣпныхъ черніоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешъ безполезнымъ писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

—⁂—

Я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

—⁂—

(Въ письмѣ изъ Цириха).

Я сѣлъ противъ того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ со мною (какъ пріятно читать его несравненныя Поэмы и Идиллии въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!) — Я развернулъ его, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза: « потомство справедливо чтитъ « урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котора- « го Музы себѣ посвятили, да учитъ

« онъ смертныхъ добродѣтели и невин-
« ности. Слава его, вѣчно юная, живетъ и « тогда, когда трофеи завоевателя гні- « ютъ во прахѣ и великолѣпный памят- « никъ недостойнаго владѣтеля среди « пустыни зарастаетъ дикимъ терно- « вымъ кустарникомъ и сѣдымъ мхомъ, « на которомъ иногда отдыхаетъ за- « блудшійся странникъ. Хотя по закону « Натуры, не многіе могутъ достигнуть « до сего величія, однакожъ похвально « стремиться къ оному. Уединенная про- « гулка моя и каждый уединенный часъ « мой да будутъ посвящены сему стре- « мленію!» Съ какимъ чувствомъ я дол- женъ былъ читать сіе, въ двухъ ша- гахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить слезы на урну незабвеннаго Геснера! (*)

(*) На монументѣ Геснеровомъ изображены Поэзія и Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урною.

Не его ли посвятили Музы въ учители невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда трофеи завоевателей истлѣютъ во прахѣ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времяни, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но естьли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ.

—⁂—

Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древ-

nee, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей.

—⁂—

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

—⁂—

Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

—⁂—

Всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты изчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою.

Весна не была бы для меня такъ прекрасна, естьли бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Жизнь Геллерта была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими.

Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ

сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его человѣколюбивой души.

—※※※—

Умъ безъ знанія есть сидѣнь.

—※※※—

Руссо (въ Дижонской рѣчи своей) пишетъ о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что суть Науки, что Искусства. Правда, естьли бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи трактата его — поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дымѣ, какъ пустые фантомы и чада Химеры; то есть трактатъ его остался бы въ туманной области небытія — а Жанъ-Жаку непремѣнно хотѣлось бранить ученость и просвѣщеніе. Для чего же? Можетъ быть для странности; для того, чтобы удивить людей, и показать свое отмѣнное остроуміе: суетность, которая бы-

ваетъ слабостію и самихъ великихъ умовъ! —

Не смотря на разные классы наукъ, не смотря на разныя имяна ихъ, онѣ суть ничто иное, какъ *познаніе Натуры и человѣка, или система свѣденій и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ.*

Отъ чего произошли онѣ? — Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Добрый Руссо! ты, который всегда хвалишъ мудрость Природы, называешъ себя другомъ ея и сыномъ, и хочешъ обратить людей къ ея простымъ, спасительнымъ законамъ! Скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, столь изобильно вокругъ насъ разсѣянными? Не она ли при-

зываетъ насъ къ наукамъ? — Можетъ ли человѣкъ быть безчувственъ тогда, когда громы Натуры гремятъ надъ его головою, когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и ревутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или, какъ будто бы утружденная великолѣпіемъ своихъ феноменовъ, облекается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во тьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вступимъ въ тѣ, давно истлѣвшіе лѣса, въ которыхъ человѣчество, по словамъ твоимъ, о Руссо! блаженствовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи, устремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, тамъ живущаго: мы увидимъ, что и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ

душу, которая требуетъ себѣ не тѣлесной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на картину Натуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, отъемлемой валами, на прекрасный ландшафтъ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нитяхъ, гдѣ свѣжіе цвѣты пестрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ тихомъ восхищеніи плѣняется естественными красотами, иногда нѣжными и милыми, иногда страшными: впиваетъ ихъ, такъ сказать, въ свое сердце всѣми чувствами, и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ первахъ своихъ; спѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ стороны надъ нимъ разливается — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ*

предѣловъ твоему любопытству и наслажденію! — Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленныя идеи или чувственныя понятія, которыя суть нито иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и которыя носятся сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней на удивительная сила или способность, которую называемъ мы *разумомъ*, и которая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарному солнцу освѣщаетъ она хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ими различія и сходства, отношенія, частное и общее, и производитъ идеи особливаго рода, идеи отвлеченныя, которыя составляютъ *знаніе* (*), составляютъ

(*) Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее отъ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

Авторъ.

уже *науку*, — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а потомъ, чрезъ разныя отвлеченія, достигаетъ человѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращается отъ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говоритъ: cogito, sum — *мышлю, слѣдовательно существую* (*): *чтожъ я?...* Вся наша Антропологія есть ничто иное, какъ отвѣтъ на сей вопросъ.

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Профессоровъ, Магистеровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Натура, гдѣ человѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ — тамъ Наука.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но онѣ служили основаніемъ для тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми украшается вѣкъ нашъ; онѣ были первымъ шагомъ къ ве-

---

(*) Извѣстный Декартовъ силлогизмъ.

ликимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницевъ — такъ оный источникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣтвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Кто же описывая дикаго или естественнаго человѣка, представляетъ его невнимательнымъ, не любопытнымъ, живущимъ всегда въ одной сферѣ чувственныхъ впечатлѣній; безъ всякихъ отвлеченныхъ идей — думающимъ только объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часть времяни во снѣ и безчувствіи — однимъ словомъ, звѣремъ: тотъ сочиняетъ романъ, и описываетъ человѣка, который совсѣмъ не есть человѣкъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножить свои понятія; и Караибы имѣютъ отвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже

языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній (*). — Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ юнаго человѣчества, младенецъ, котораго душа чиста еще отъ всѣхъ наростовъ, несвойственныхъ ея натурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенной предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видитъ Философъ опредѣленіе человѣка; видимъ, что мы сотворены для *знаній*, для *науки*.

Что суть Искусства? — *Подражаніе Натурѣ*. Густыя, сросшіяся вѣтви были образцомъ первой хижины и основа-

---

(*) На примѣръ, всякое прилагательное имя есть отвлеченіе. Времяна глаголовъ, мѣстоименія — все требуетъ утонченныхъ дѣйствій разума.

Авторъ.

ніемъ Архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ отверзтіе сломленной трости, или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ — тѣнь предметовъ рисованью и живописи. Горлица, сѣтующая на вѣтви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго Элегическаго Поэта (*); подобно ей хотѣлъ онъ выражать горесть свою, лишась милой подруги — и всѣ пѣсни младенчественныхъ народовъ начинаются сравне-

---

(*) Я думаю, что первое піитическое твореніе было ни что иное, какъ изліяніе томногорестнаго сердца; то есть, что первая поэзія была Элегическая. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Напротивъ того горестный другъ, горестный любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю приро-

ніемъ съ предметами или дѣйствіями Натуры.

Но чтожъ заставило насъ подражать Натурѣ, то есть, что произвело искусства? *Природное* человѣку стремленіе къ улучшенію бытія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятностей. Отъ перваго шалаша до Луврской колоннады, отъ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфоній Гайдена, отъ перваго начертанія деревъ до картинъ Рафаэлевыхъ,

---

ду въ повѣренные грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболѣзнуютъ о его утратѣ; состояніе души его есть уже, такъ сказать, Поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его — слезами и пѣснію.— Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времяна, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

Авторъ.

отъ первой пѣсни дикаго до Поэмы Клопштоковой, человѣкъ слѣдовалъ сему стремленію. Онъ хочетъ жить *покойно*: раждаются такъ называемыя *полезныя искусства*; возносятся зданія, которыя защищаютъ его отъ свирѣпости стихій. Онъ хочетъ жить *пріятно*: являются такъ называемыя *изящныя исскуства*, которыя усыпаютъ цвѣтами жизненный путь его.

И такъ Искусства и Науки необходимы: ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствіе соединяется съ причиною, то есть союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ

чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его разпространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Искусства и Науки не разлучны съ существомъ нашимъ — и естьли бы какой нибудь духъ тьмы могъ теперь въ одну минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то потомки наши снова найдутъ потерянное, и снова возсіяютъ искусства и науки какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни Греки, ни Римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратитъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіи грядущихъ временъ родятся новые Бaконы, которые положатъ новое, и можетъ быть еще твердѣйшее основаніе храма наукъ; родятся новые Невтоны, которые откроютъ законы всемір-

наго движенія; новый Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кондильяки, новые Боннеты силою ума своего оживятъ статую (*), и новые Поэты воспоютъ красоту Натуры, человѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучь божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить. Перемѣните душу, вы ненавистники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ человѣколюбивыхъ своихъ предпріятіяхъ; и никогда Прометеевъ огонь на землѣ не угаснетъ!

Заключимъ: естьли Искусства и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло, — зло, истекающее изъ са-

(*) См. Essai analitique de l'âme, par Bonnet, и Traité des sensations, par Condillac.

мой натуры нашей; зло, для котораго Природа образовала насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благостію Природы, съ благостію Творца нашего? Могъ ли Всевышній произвести человѣка съ любопытною и разумною душею, когда плоды сего любопытства и сего разума долженствовали быть пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ.

Науки портятъ нравы, говоритъ онъ: *нашъ просвѣщенный вѣкъ служитъ тому доказательствомъ.*

Правда, что многіе жалуются на развратъ, на гибельные пороки нашихъ временъ — но много ли Философовъ? Много ли размышляющихъ людей? Много ли такихъ, которые проницаютъ взоромъ своимъ во глубину нравственности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ теченіе среднихъ вѣковъ,

тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ (*)? Пусть заглянутъ въ старыя лѣтописи, и сличатъ ихъ съ Исторіею нашихъ временъ! — Намъ будутъ говорить о Сатурновомъ вѣкѣ, счастливой Аркадіи... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая

(*) Скажутъ: это писано прежде ужасовъ Революціи. Такъ, но развѣ Европа не ужаснулась имъ? Развѣ народы не стыдятся за толпу неистовыхъ гражданъ? Въ прочемъ таковые метеоры должно отнести къ тому, что говоритъ Боссюэтъ въ славномъ введеніи своемъ въ Всемірную Исторію: « Всевышній приготов-« ляетъ слѣдствія въ причинахъ сокровенныхъ; « Онъ одинъ вержетъ тѣ великіе удары, кото-« рыхъ сотрясеніе столь далеко отдается: когда « захочетъ нанести послѣдній, и имъ рушить « Царство, тогда все слабо и шатко въ совѣ-« тахъ; Египетъ нѣкогда столь мудрый, идетъ « опьяненный, обезумленный, идетъ колеблясь, « ибо Господь послалъ духъ круженія въ его совѣ-« ты. Онъ не знаетъ, что дѣлаетъ, онъ погибъ. »

Издатель.

страна, подъ благимъ, свѣтлымъ небомъ, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любятъ другъ друга какъ нѣжные братья, не знаютъ ни зависти, ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однѣмъ движеніямъ своего сердца, и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхитительное для воображенія чувствительныхъ людей; но — будемъ искренны, и признаемся, что сія счастливая страна есть ничто иное, какъ сонъ, какъ восхитительная мечта сего самаго воображенія. По крайней мѣрѣ, никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существовала. Аркадія Греціи не есть та прекрасная Аркадія, которою древніе и новые Поэты прельщаютъ наше сердце и душу. Самыя отдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Исторіи — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ —

не представляютъ ли намъ пороковъ и злодѣяній?

Руссо! ты обвиняешь вѣкъ нашъ утонченнымъ лицемѣріемъ, притворствомъ; но отъ чего же порокъ старается нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не отъ того ли, что въ нынѣшнія времяна гнушаются имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относится къ чести нашихъ нравовъ; и естьли мы обязаны тѣмъ просвѣщенію, то оно благотворно и спасительно для Морали. Иначе можно будетъ доказать, что и добродѣтель развращаетъ людей, заставляя порочнаго лицемѣрить; ибо никогда не имѣетъ онъ такой нужды притворяться добрымъ, какъ въ присутствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ человѣкъ, которые оба злонравны, но съ тѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонностямъ, и слѣдственно не стыдится ихъ, — а другой таитъ оныя, и слѣдственно

самъ чувствуетъ, что онѣ не похвальны: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній; ибо первый шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во время невѣжества не могло быть столько обмановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитростей, есть совершенно ложная. Простые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые; первые грубымъ образомъ, а вторые искуснымъ — ибо мы не можемъ быть ни равно просты, ни равно хитры.

Сія учтивость, сія привѣтливость, сія ласковость, которая свойственна нашему времени преимущественно передъ всѣми прочими, и которую новые Тимоны (*) называютъ сусальнымъ золотомъ

(*) Извѣстно, что Аѳинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. « Я люблю тебя, сказалъ

осьмагонадесять вѣка, въ глазахъ Философа есть истинная добродѣтель общежитія и слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія. Не спорю, что отереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели приласкать человѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ доставить другъ другу невинное удовольствіе, есть должность наша — и кто хотя одну минуту жизни сдѣлалъ для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель. Мудрая Натура не только даетъ намъ пищу; она производитъ еще и алую розу, и бѣлую лилію, которыя не нужны для нашего физическаго существованія — но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Натура производитъ ихъ. Учтивость, привѣтливость есть цвѣтъ общежитія.

онъ Альцибіаду, за то, что ты здѣлаешъ довольно зла своему отечеству.»

Спартанцы не знали ни наукъ, ни искусствъ – говоритъ нашъ Милософъ – *и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повелѣвали міромъ; но Римъ просвѣтился, и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства.*

(Доказавъ, что Спартанцамъ извѣстны были науки и искусства, и что они имѣли своихъ Философовъ и Поэтовъ, Авторъ продолжаетъ:)

Точно ли Спартанцы были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ, гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ невольниковъ, какъ дикихъ звѣрей; гдѣ тирански умерщвляли слабыхъ младенцовъ, для того что Республика не могла надѣяться на силу руки ихъ — тамъ, слѣдуя общему человѣческому понятію, нельзя искать нравственнаго совершенства. Естьли древніе говорили, что «самый Спартанскій воздухъ вселяетъ кажется *Аретинъ*,» то подъ симъ словомъ

разумѣли они не то, что мы разумѣемъ нынѣ подъ имянемъ *добродѣтели*, vertu, Tugend, а *мужество* или храбрость, которая только по своему употребленiю бываетъ добродѣтелью. Спартанцы были всегда храбры, не всегда добродѣтельны. Леонидъ и друзья его, которые принесли себя въ жертву отечеству, суть мои Герои, истинно великiе мужи, полубоги; безъ слезъ не могу я думать о славной смерти ихъ при Термопилахъ; — но когда питомцы Ликурговыхъ законовъ лили кровь человѣческую для того, чтобы умножить число своихъ невольниковъ и поработить слабѣйшiя Греческiя области: тогда храбрость ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордость сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ побѣды.

Аѳины — просвѣщенныя Аѳины, гдѣ, такъ сказать, возрастали всѣ наши Искусства и Науки — Аѳины производили

также своихъ Героевъ, которые въ великодушіи и храбрости не уступали Лакедемонскимъ. Ѳемистоклъ, Аристидъ, Фокіонъ! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Исторіи человѣчества какъ благодѣтельныя свѣтила — и вѣчно сіять будете! Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; отъ высочайшихъ умозрѣній Философіи летѣлъ онъ на поле брани, умирать за любезныя Аѳины — и я не знаю, кто болѣе имѣетъ причинъ любить и защищать свое отечество: сынъ Софронисковъ, или какой нибудь Абдеритъ? первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни, цвѣтами Природы, Искусства, самимъ собою, своимъ *человѣчествомъ*, силами и способностями души своей; а второй въ благословенной Абдерѣ — живетъ, и болѣе ничего. Для кого страшнѣе узы варваровъ? Сократъ, сражаясь за Аѳины, сражается за мѣсто своего счастія, сво-

ихъ удовольствій, которыя вкушалъ онъ въ садахъ философскихъ, въ бесѣдѣ друзей и мудрецовъ — Абдеритъ и подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдеритомъ (*).

Что принадлежитъ до Рима, то Науки не могли быть причиною его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времяни, пре-

(*) Говорятъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или Искусствахъ разслабляетъ тѣлесныя силы, нужныя воину; но развѣ ученый или художникъ непремѣнно долженъ морить себя въ кабинетѣ? Соблюдая умѣренность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить Отечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Въ прочемъ не Атлетовы силы, но любовь къ отечеству дѣлаетъ воиновъ непобѣдимыми.

Авторъ.

зиралъ опасность и гремѣлъ противъ Катилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и притомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величіи!

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики; но какую связь имѣетъ роскошь съ науками? Сія политическая и нравственная язва перешла въ Римъ изъ странъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, которое бываетъ ея источникомъ и пищею. Чѣмъ же обогатились потомки Ромуловы? Конечно не Науками, но завоеваніями — и такимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ погибели.

Успѣхъ самыхъ пріятныхъ Искусствъ нимало не зависитъ отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣютъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ, для того, чтобы сочинить безсмертную

Поэму, написать изящную картину, очаровать слухъ нашъ сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго потребенъ вкусъ: и то и другое есть особливой даръ Неба, который не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранится, и не съ золотымъ пескомъ пріобрѣтается.

И кто имѣетъ болѣе алчности къ богатству, просвѣщенный человѣкъ или невѣжда? Человѣкъ съ дарованіями или глупецъ? Философъ цѣнитъ умозрѣнія свои дороже золота. Архимедъ не взялъ бы милліоновъ за ту минуту, въ которую воскликнулъ онъ: *Эврика! нашелЪ! нашелЪ!* Камоэнсъ не думалъ о своемъ имѣніи, когда тонулъ корабль его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ Лузіаду. Сіи отмѣнные люди находятъ въ самихъ себѣ источникъ живѣйшихъ удовольствій — и по тому самому

богатство не можетъ быть ихъ идоломъ.

Но сколько заблужденій въ Наукахъ! Правда, для того, что онѣ не совершенны; но предметъ ихъ есть *истина.* Заблужденія въ Наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Онѣ подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ не смотря на всѣ препоны, и въ ея эѳирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными затрудненіями, ибо мы можемъ преодолѣть ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣкоторую радость во глубинѣ сердецъ своихъ: вѣрный

знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ (*)! Кажется, будто Натура, скрывая иногда истину — по словамъ Философа Демокрита — *на днѣ глубокаго кладезя*, хочетъ единственно того, чтобы мы долѣе наслаждались пріятнымъ исканіемъ и тѣмъ живѣе чувствовали красоту ея. Такъ нѣж-

---

(*) Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Натуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкоторую тоску, нѣкоторое неудовольствіе, нѣкоторую непріятность. Сіе противное чувство говоритъ намъ: «ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Натурою: обратись на него!» Кто не повинуется сему гласу, тотъ вѣчно будетъ несчастливъ. — Напротивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкоторое тихое удовольствіе, тихую радость. Сіе чувство говоритъ намъ: «ты идешъ путемъ, предписаннымъ тебѣ Натурою: не совращайся съ онаго!»

ная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ страстнаго Палемона, единственно для того, чтобы еще болѣе воспалить жаркую любовь его!

—⁂⁂—

Что иное какъ не звѣрь есть тотъ человѣкъ, который живетъ только для удовлетворенія своимъ физическимъ потребностямъ? Не уже ли скажутъ намъ, что онъ, удовлетворяя симъ потребностямъ, спокоенъ и счастливъ? Ахъ нѣтъ! на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ онъ бѣденъ и злополученъ; на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуетъ онъ вѣчный недостатокъ, вѣчную скуку. Одинъ, чтобы наполнить сію мучительную пустоту сердца, выдумываетъ тысячу мнимыхъ потребностей жизни (*);

(*) Вотъ главная причина роскоши! слѣдственно Науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши, которая питается праздностію.

Авторъ.

другой, угнетаемый бременемъ мысленной силы своей, ищетъ облегченія въ совершенномъ забвеніи самаго себя, или прибѣгаетъ къ ужасному распутству. — Такъ конечно! Человѣкъ носитъ въ груди своей пламянную Этну: живое побужденіе дѣятельности, которое мучитъ празднаго — Искусства же и Науки суть благотворный источникъ, утоляющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаетъ Руссо. *Учись быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнымъ гражданиномъ, человѣкъ, и ты не будешъ празденъ!* Что же есть Мораль, изъ Наукъ важнѣйшая, альфа и омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываетъ человѣку, что онъ для собственнаго своего счастія долженъ быть добрымъ? Не она ли представляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка? Не она ли соглашаетъ волю его

съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узахъ? Не она ли сообщаетъ ему тѣ правила, которыя разрѣшаютъ его недоумѣнія во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною стезею ведетъ его къ добродѣтели? — Всѣ животныя, кромѣ человѣка, подвержены уставу необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра, ни зла; но мы не имѣемъ сего, такъ сказать, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими; вмѣсто его данъ человѣку разумъ, который долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видитъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и разсуждаемъ, то есть сравниваемъ, разбираемъ, и потомъ уже дѣйствуемъ.

« Отъ чего же тѣ люди, которые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочные нравы? — Конечно не отъ того, что они въ Наукахъ упражняются, но совсѣмъ отъ другихъ причинъ: на прим. отъ дурнаго воспитанія, сего главнаго источника нравственныхъ

золъ, и отъ дурныхъ навыковъ, глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы врачуютъ всегда душевныя болѣзни. Хотя и бываютъ такіе злые недуги, которыхъ не могутъ онѣ излѣчить *совершенно*; но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благотворны — и человѣкъ, который, не взирая на нѣжный союзъ съ ними, все еще предается порокамъ, во мракѣ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, страшнымъ чудовищемъ, извергомъ творенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Натуры, возвышаютъ душу, дѣлаютъ ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстроиваютъ прекрасную связь общежитія. Кто чрезъ миріады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ,

умѣетъ возноситься духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества; кто внимаетъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ, въ шумѣ морей и — собственномъ сердцѣ своемъ; кто въ атомѣ видитъ міръ и въ мірѣ атомъ безпредѣльнаго творенія; кто въ каждомъ цвѣточкѣ, въ каждомъ движенія и дѣйствіи Природы чувствуетъ дыханіе вышней Благости, и въ багряныхъ небесныхъ молніяхъ лобызаетъ край Саваоѳовой ризы: тотъ не можетъ быть злодѣемъ. На мраморныхъ скрыжаляхъ Исторіи, между имянами извергов, покажутъ ли намъ имя Бакона, Декарта, Галлера, Томсона, Геснера? . . . Наблюдатель человѣчества! будь вторымъ Говардомъ, и посѣти мрачныя обители, гдѣ ожесточенные преступники ждутъ себѣ праведнаго наказанія — сіи несчастные, долженствующіе кровію своею примириться съ раздраженными законами; спроси — естьли не онѣмѣютъ уста твои въ семъ

жилищѣ страха и ужаса — спроси, кто они? и ты узнаешь, что просвѣщеніе не было никогда ихъ долею; и что благодѣтельные лучи Наукъ никогда не озаряли хладныхъ и жестокихъ сердецъ ихъ. Ахъ! тогда повѣримъ, что ночь и тьма есть жилище Грей, Горгонъ и Гарпій; что все изящное, все доброе любитъ свѣтъ и солнце.

Такъ! просвѣщеніе есть Палладіумъ благонравія.

—⁂—

Что принадлежитъ до ненавистниковъ Наукъ, то они никогда, никогда торжествовать не будутъ (*). Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ Науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ раз-

---

(*) Это писано послѣ Революціи.

сѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо Наукъ? — Разогнемъ книгу Исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? На примѣръ, распри суевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напротивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей; и спокоенъ; я имѣю довѣренность къ благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ Наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся мы отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ; Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ.

Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: *Науки вредны, ибо осьмой-надесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами*; потому скажу я: « осьмой надесять вѣкъ не могъ имяновать себя со всѣхъ сторонъ просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами. »

Пусть докажутъ мнѣ, что Изящныя искусства не имѣютъ вліянія на счастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

—⁂—

Вы составляете мое утѣшеніе, вы, нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяжкой праздности. Хотя живу на краю сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснетесь рукою, и печальная сосна въ лавръ Аполлоновъ превращается; дохнете божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе разцвѣтаютъ. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суетности!

—⁂—

Внутреннее удовольствіе любимца Музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя однѣ имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе.

—⁂—

Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ и тлѣютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу.

—⁂—

Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего един-

ство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу.

—⁂—

Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе; пламень его есть пламень добродѣтели.

—⁂—

Способъ — быть счастливымъ въ жизни, есть: быть полезнымъ свѣту и въ особенности Отечеству.

—⁂—

Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, словесность возвышаетъ и нравственное достоинство Государствъ. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времяна его мятежей народныхъ. Естьли бы Греки, естьли бы самые Римляне только побѣждали: мы

не произносили бы ихъ имяни съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ Аѳинами слушали Демосѳена, съ Римлянами Цицерона. Побѣждали и Моголы: Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей, но Моголы только убивали, а Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній.

Для того ли образуются, для того ли возносятся Державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ коллосомъ силы и его паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша, и жизнь Имперій должны содѣйствовать разкрытію великихъ способностей души чело-

вѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль среди гробовъ и тлѣнія утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ!

—⁂—

Языкъ и словесность суть не только способы, но и *главные* способы народнаго просвѣщенія.

—⁂—

Богатство языка есть богатство мыслей.

—⁂—

Науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный классъ людей, а словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу.

—⁂—

Успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ во-

обще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному.

—⁂—

« Можетъ быть придетъ такое время, « сказалъ мнѣ однажды Морицъ, въ ко- « торое мы будемъ учиться и Рускому « языку; но для этаго надобно вамъ на- « писать что нибудь превосходное. »

Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца (*).

—⁂—

Въ Россіи Литтература можетъ быть

(*) Это вздохъ Цесаря внимающаго сказанію о побѣдахъ Александра. Но сколь невиннѣе, сколь благороднѣе того былъ этотъ вздохъ! Его не клянетъ человѣчество; его благословитъ потомство наше.

Издатель.

еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такаго великаго народа, какъ Россійской; развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями, и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей! И такъ я воображаю великій предметъ для словесности, одинъ, достойный талантовъ.

—⁂—

Естьли мы предложимъ вопросъ: *отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ*, иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: «Отъ холоднаго климата.»

—⁂—

Естьли бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый ѳиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ... табакъ, а въ Италіи поютъ... Кастраты.

—⁂—

Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели?»

—⁂—

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы, однакожъ ему должно развиться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ.

—⁂—

Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе — то есть, какую-то особенную дѣятельность

душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣденія, умъ образованный Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта.

—⁂—

Сколько времяни потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего?

—⁂—

Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ прочитавъ Монтена, Паскаля, пять или шесть авторовъ вѣка Людовика XIV, Волтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство язы-

ка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника.

—⁂—

Французской языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Русской только отъ части; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.

—⁂—

Бюффонъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени.* Естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности.

—⁂—

Въ остаткахъ нашей древности, въ

нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ народныхъ — сочиненныхъ, можетъ быть, дѣйствительно во мракѣ пустынь — видимъ явное присутствіе сего генія; видимъ живость мыслей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ любитъ искусство и гражданское образованіе: мелькаетъ и во мракѣ, но красуется постоянно во свѣтѣ разума; не есть Наука, но заимствуетъ отъ нее силу для вышняго паренія. Не дикіе имѣютъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ дарованія съ Искусствомъ заключенъ въ колыбели человѣчества: онѣ братья, хотя и не близнецы.

Работа есть условіе искусства; охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта.

Спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ; естьли и самое счастливое дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огнь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время итти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ. Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также спѣшатъ выйти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ;

а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего трудно писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Правда, что свѣтъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Счастливъ, кто слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣт-

скихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно.

—⁂—

Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ, и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избрать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ.

—⁂—

Рожденный подъ хладнымъ небомъ сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака сдѣлался отцемъ Россійскаго Краснорѣчія и вдохновеннаго Стихотворства.

Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонію. Геній его совѣтывался только самъ съ

собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ незагладимую печать великихъ дарованій.

Онъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія, тамъ, гдѣ сіяютъ имяна Пиндаровъ и Горацієвъ.

Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

Лирическое Стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи *нашего* вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которыя нужны для представленія картины нравственнаго міра и героическихъ страстей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоцѣнностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недостатки замѣняются разно-

образными красотами и пиитическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семъ родѣ Стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Оратора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, которыя и теперь должно назвать однѣмъ изъ лучшихъ произведеній Россійскаго, собственно такъ называемаго краснорѣчія.

Естьли Геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову монументомъ.

—⊱⊰—

Склонность къ Литтературѣ, къ Наукамъ, къ Искусствамъ, есть безъ со-

мнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединить съ нею виды корысти. Но обстоятельства не всегда уступаютъ Природѣ; естьли онѣ не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большой части гаснутъ.

—⁂—

Чему быть трудно, то бываетъ рѣдко — однакожъ бываетъ — и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляютъ его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самаго себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не безполезенъ для отечества; что Авторы помогаютъ

согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ дурныхъ писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и моральные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству.

Цѣлость, оригинальность! вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, питаете мою душу — всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*,

гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и общимъ языкомъ времени; тамъ есть *особенность личная*, и характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе Физической Природы входитъ въ свой классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе.

Сходствуя съ другими Европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ что хотя и не можно иногда отличить Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіянъ отъ Британцевъ: въ *множествѣ* открывается народное. Сію истину отнесемъ и къ Словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, не замѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣ-

емъ и свой собственный ; хвалимъ , чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются.

—∗∗∗—

Есть звуки сердца Русскаго, есть игра ума Русскаго въ произведеніяхъ нашей Словесности , которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ.

—∗∗∗—

Молодые Писатели не рѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ , ибо думаютъ , ложно или справедливо , что мы еще не имѣемъ великихъ образцевъ Искусства : естьли бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ , что бы сдѣлали ? *подражали бы* своимъ, но и тогда *списки* ихъ остались бы *бездушными.* А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости , будетъ наконецъ *самъ собою* — оставитъ путе-

водителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ. Сему-то возвышенію отечественныхъ талантовъ мы должны содѣйствовать для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія.

—⁂—

Болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности.

—⁂—

Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ: но извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ.

—⁂—

Примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи Литтературы.

—⁂—

Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги.

—⁂—

Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ.

—⁂—

Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны.

—⁂—

Что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растѣній, то излишно строгая критика для юныхъ способностей души: мерт-

вишъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать — привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава Автора принадлежитъ Отечеству.

—※※※—

Слава! чье сердце, пока живо, можетъ совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ прелестямъ, не смотря на всю обманчивость ея наслажденій? Плѣняя юношу своими лучезарными призраками, вѣнкомъ лавровымъ и плескомъ народнымъ, она манитъ и старца къ своимъ монументамъ долговѣчнымъ, къ памятникамъ заслугъ и благодарности. Мы желали бы изъ самаго гроба дѣйствовать на людей подобно невидимымъ добрымъ геніямъ, и по смерти своей еще имѣть друзей на землѣ.

—※※※—

Но ежели слава измѣняетъ, то есть

другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для Писателя, отъ рока и людей независимая: *внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта*, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называетъ *превосходнѣйшимъ* даромъ: ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни Антикваріи имѣютъ нужду въ терпѣніи: оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго Поэта, для великаго Оратора или великаго живописца Природы: « Удаленный отъ свѣта » (сказалъ мнѣ въ юности моей старецъ Вилландъ) « не имѣя ни читателей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уединенною Музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвѣстные міру ». Вотъ тайна Писателей, часто, но не всегда ласкаемыхъ славою! Сильная

мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастіе. Когда въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго двора Людовикова, указывая на гробъ Великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ Вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствіемъ ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли!

Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ; вы въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы!

—⁂—

Чѣмъ менѣе другіе требуютъ отъ насъ дѣятельности, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя.

—⁂—

Бартелеми чувствовалъ въ жизни одну страсть: любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялъ ее.

—⁂—

Лафатеръ поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я

считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, который поступая сообразно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ.

Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать.* Не *писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ.

Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть вѣрнѣйшія въ жизни! Нерѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестя-

щихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, счастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и нерѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, естьли онъ можетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе.

Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія нерѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка...

Отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лице наше.

—⁂—

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе философіи, нравственности, политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

—⁂—

Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій быть добрымъ.

—⁂—

Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи.

—⁂—

Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!

—⁂—

Знанія, бывшія удѣломъ особеннаго класса людей, собственно называемаго

ученымъ, нынѣ болѣе и болѣе распространяются, вышедши изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ они долго заключались. Великіе Геніи, убѣжденные въ необходимости народнаго просвѣщенія какъ для частнаго, такъ и для Государственнаго блага, старались и стараются заманить людей въ богатыя области наукъ, сообщая имъ важныя истины и свѣденія не только понятнымъ, но и пріятнымъ образомъ, и ведутъ ихъ къ сокровищамъ ума путемъ усѣяннымъ цвѣтами.

Цѣль публичныхъ лекцій есть та, чтобы самымъ тѣмъ людямъ, которые не думаютъ и не могутъ исключительно посвятить себя ученому состоянію, сообщать свѣденія и понятія о Наукахъ любопытнѣйшихъ.

Двѣ изъ нихъ заслуживаютъ по справедливости имя важнѣйшихъ для человѣ-

ка: одна представляетъ Натуру во всей безчисленности ея твореній, описывая видъ, образъ жизни или бытія существъ; другая Наука знакомитъ насъ съ судьбою человѣческаго рода, изображая великія картины Государствъ, и вникая въ причины ихъ славы, щастія и паденія. Я говорю объ Исторіи Естественной и еще ближайшей къ намъ Исторіи народовъ: знаніе той и другой необходимо для человѣка и гражданина, естьли онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ.

Исторія среднихъ вѣковъ, столь отличная отъ древней Греческой и Римской, не менѣе ихъ достойна любопытства, изображая страшное волненіе народовъ, смѣсь ихъ и наконецъ рожденіе новыхъ, которые, выходя, такъ сказать, мало по малу изъ всеобщаго хаоса, сдѣлались основателями нынѣшнихъ великихъ Государствъ Европейскихъ. Мысль, преподавать сію важную часть

Исторіи въ Московскомъ Университетѣ для Публики и наиболѣе для молодыхъ людей, была весьма счастливою мыслію. Всякой хорошо воспитанный человѣкъ имѣетъ понятіе о древнихъ Государствахъ, о судьбѣ Аѳинъ, Спарты, Рима; но многіе ли умѣютъ ясно вообразить себѣ произшествія, которыя слѣдовали за паденіемъ Римской Имперіи, и преобразовали Европу? тѣмъ нужнѣе впечатлѣвать ихъ въ разумъ юношества систематическимъ *изустнымъ* предложеніемъ, которое остается въ памяти долѣе всего *читаемаго* нами въ книгахъ.

Публичныя лекціи должны со временемъ имѣть еще болѣе успѣха, то есть образовать еще большее число любителей учености въ такомъ городѣ, который можно назвать столицею Россійскаго Дворянства, и въ такой вѣкъ, когда отличныя свѣденія необходимы для утвержденія знаменитыхъ правъ Дворян-

ства, когда для всякаго важнаго Государственнаго мѣста требуется разумъ просвѣщенный; когда мудрое наше Правительство *замѣчаетъ* молодыхъ людей, ревностныхъ къ снисканію знаній. Нѣжные отцы семействъ ничего не жалѣютъ у насъ для воспитанія дѣтей; но иностранные учители, которымъ платятъ они столь дорого, могутъ ли питомцевъ своихъ наставлять въ важныхъ Наукахъ? По крайней мѣрѣ весьма рѣдко; а не обыкновенное не можетъ служить примѣромъ. И такъ не должны ли сіи попечительные отцы, живущіе въ Москвѣ, радоваться тому, что дѣти ихъ могутъ нынѣ столь удобно и легко пріобрѣтать драгоцѣнныя знанія, слушая лекціи Университетскія? Послѣ всего, что великодушный АЛЕКСАНДРЪ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія Наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга Патріотовъ, и даже поступимъ не благоразумно, естьли будемъ еще отправлять молодыхъ

людей въ чужія земли, учиться тому, что преподается въ нашихъ Университетахъ. Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые Профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и *первый* Университетъ Россійской подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху Наукъ Попечителя, Михайла Никитича Муравьева, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ.

г. 1803.

Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на памятникъ Кардинала Ришелье, сказалъ Герцогу, его внуку: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ*

Францiею. Не вѣрю этому анекдоту; или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованiй. Я представилъ бы Кардинала не съ Христiянскою, святою Религiею (*), а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Генрiадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать,
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ вовѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впавшихъ глазъ;
Она трудится, вымышляетъ;

(*) На памятникѣ представленъ Кардиналъ съ Религiею и Наукою изображенными въ видѣ двухъ женщинъ.

Печать у Истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За Небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разитъ лишъ собственныхъ враговъ.

—⁂—

Бронзовая статуя Людовика XIV (въ Ліонѣ) такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два Героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вторый какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перьваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ, принуждены были оставить отечество: вторый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ — перьваго уважаю какъ сильнаго Царя:

вторaго почитаю как великаго мужа, как Героя, как благодѣтеля человѣчества, как моего собственнаго благодѣтеля.

—※※※—

Как Спарта без Ликурга, так Россія без ПЕТРА не могла бы прославиться.

—※※※—

Левек сказал о ПЕТРѢ Великом: *Желая образовать народ свой, он только что подражал другим народам.* Я слыхал такое мнѣніе даже от Русских, и никогда не мог слышать без досады. Путь образованія или просвѣщенія *один* для народов; всѣ они идут им вслѣд друг за другом. Иностранцы были умнѣе Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? лучше ли бы было Русским не

строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравниться*, чтобы *превзойти*?

Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ!

Естьли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими Государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ:

«смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, естьли можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двигнулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ.

Людовикъ XIV уступивъ свое жилище Генію (*), возвысилъ и его и себя.

Кольберъ служилъ Королю, стараясь умножить его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, спо-

---

(*) Переѣхавъ жить въ Версалію, онъ предоставилъ Лувръ славнымъ ученымъ, Авторамъ, Поэтамъ и художникамъ; они всѣ были помѣщены тамъ.

собствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Людовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ*, сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ; именитыя торговыя общества: Индейское, Американское — и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь счастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Людовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольберовъ, чтобы смо-

тр҃ѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей.

—⁂—

Мы проѣхали чрезъ Кеслинъ. Тамъ бросается въ глаза большое четвероугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для Государства — не на ученость, не на острыя слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое Государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли

недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ!

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя произшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства;

образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

—⁂—

Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство изчезаетъ въ Исторіи.

—⁂—

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальтъ-Цербстскаго Дома — кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ

могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи?...

—⁂—

Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному Генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра — и животворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль — и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками!

—⁂—

Іосифъ II служитъ тѣнію, отъ которой мудрость Екатерины тѣмъ лу-

чезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: она во всемъ счастлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — отступалъ назадъ: она безпрерывными шагами текла къ своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ неизгладимыми буквами; творила во время, и потому для вѣчности, и потому никогда дѣлъ своихъ не передѣлывала — и потому народъ Россійской вѣрилъ необходимости ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра.

—⁂—

Европа удивлялась *счастію* Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое *счастіе*. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшитъ судьбу государствъ, а не разумная или безразсудная система правленія: тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархіи, которыя всѣ войны

были завоеваніями и всѣ уставы счастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

—⁂—

О Монархи міра! Екатерина и жизнію и смертію своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ Царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, естьли вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священною. И самаго недостойнаго Государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадаетъ, когда Монархъ платитъ дань общему року

смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ Царя, произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ его! Не въ чертогахъ Царскихъ обнаруживается чувство народное: о всякомъ Монархѣ кто нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семѣйствъ, отъ двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естьли въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смерти Государя, то онъ не царствовалъ для народнаго счастія!

—⁂—

Сограждане! сей огромный домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей домъ, предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ,

всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный Екатериною Милосердію! Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые судьбою — пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ несчастію не безпримѣрнаго! находятъ человѣколюбивое призрѣніе; не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе мудрою благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, трогательныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ по-

печеніямъ, и осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ несчастіе сиротства; тамъ кроткая улыбка добродушной Надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердецъ счастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и пріучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, которыя дѣлаютъ человѣка независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы Монаршей щедроты выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогащенные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и, такъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избираютъ — и сей, нѣкогда отверженный младенецъ, спасенный Монаршимъ провидѣ-

ніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ именитаго гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный письмоводитель въ домѣ вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитанницъ Сиротскаго Дому находитъ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человѣколюбиваго правленія — да скажутъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому Екатерины? Какое другое благодѣтельное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди повѣряли ему драгоцѣнную собственность охотнѣе, нежели первымъ бога-

чамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открыла истинному человѣколюбію и патріотизму самый лучшій способъ дѣйствія. Естьли вы, любимые сыны счастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; естьли чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излиться въ благотвореніяхъ: то не на стогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ нерѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и сострадаціе; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принести ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка: ибо Екатерина позволила вамъ благотворить вмѣстѣ съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтетъ и украсится сторичнымъ плодомъ для святой пользы человѣчества. —

Справедливая народная признательность требуетъ наименовать того мужа, котораго главною страстію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ Екатеринѣ первымъ орудіемъ для исполненія ея благотворныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣтелію, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ Екатерины, радовался своими трудами, и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и требуя, сей другъ человѣчества умѣлъ заслужить любовь надзирателей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ,

мудрый Судія, есть конечно украшеніе и честь Государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

—⁂—

Начало Дворянства нашего теряется во мракѣ вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душею, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ, дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ отечествѣ первую ограду Трона, и особенное состояніе подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею, и сверхъ того занимать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: Екатерина распространила ихъ политическія дѣйствія; но еще недоставало полнаго изображенія правъ Дворянскихъ, утвержден-

наго Монаршею властію, и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. ЕКАТЕРИНА обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляетъ она и всѣ награды, которыми Отечество изъявило ему свою признательность. Монархиня именемъ Неба скрѣпляетъ святость, вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ. . .

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собратія, благородные сыны Россіи, потомки мужей именитыхъ! и мысленно развертывая предъ вами сію Государственную хартію, на которой сіяютъ всѣ великія права Дворянства, вопрошаю: чего недостаетъ къ совершенству нашего гражданскаго благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себѣ! боимся одихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаетъ ему! Наша собственность не отъемлема;

достоинство родовъ и право наслѣдства сохранены, но мы по волѣ располагаемъ пріобрѣшеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и тайныя сокровища; для насъ текутъ воды въ ея пространствѣ! И естьли нѣкоторыя особенныя склонности влекутъ насъ въ климаты чуждые; естьли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естьли кроткое небо южной Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престаетъ намъ благодѣтельствовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; оттуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россіею! Но естьли полная мѣра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признательны, и не забудемъ, что великія

отличія приносятъ съ собою и великія должности; что благородный есть или человѣкъ добродѣтельный, или поношеніе своего рода; что быть полезнымъ есть первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь Отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

Слава Екатерины принадлежитъ Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! Екатерина, законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимственнымъ отъ

нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при Екатеринѣ возвышеніе человѣка, котораго нравственное и патріотическое достоинство служитъ еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока человѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проницательный; разумѣлъ великія намѣренія Екатерины, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственно твореніемъ безсмертнаго ума Екатерины. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россія имѣла счастіе быть упра-

вляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины.

—✣✣✣—

Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ.

—✣✣✣—

Отягченный лаврами, Румянцевъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: «Во дни Екатерины Румянцевъ открылъ вамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ числомъ безчисленность; усѣвать поля трупами ихъ, и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!» — Естьли таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему

войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума, не зналъ ни страха, ни запальчивости; но берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, естьли бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія.

(*Суворовъ*) Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вер-

шинахъ Альпійскихъ; на которато какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его (*) — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная ѳеорія его состояла въ трехъ

(*) Писано въ 1801 году.

словахъ: *взоръ*, *быстрота*, *ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа немногимъ; но *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи; ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бъ ему могилою.

—⁂—

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною;

ихъ судятъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели.

—⁂—

Екатерина знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать Государство и народы; знала даже мѣру своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе осчастливить народъ, можетъ родить бѣдствія, естьли оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія.

—⁂—

Я видѣлъ Людовика XVI (*). Спокой-

(*) Это писано въ 1790 году.

ствіе, кротость и добродушіе изображаются на его лицѣ, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не раждалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ счастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ — но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную.

—※—

Революція есть отверстый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства.

—※—

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной

гармоніи, благоустройству, порядку: *Утопія* (*Царство счастія*) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времяни, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ (*). Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей — и довольно.

(*) Это предсказаніе писано въ Парижѣ въ 1790 году, слѣдовательно за два года до ужасовъ Революціи.

Легкіе умы думаюшъ, что все легко; мудрые знаюшъ опасность всякой перемѣны, и живушъ шихо.

Новые распубликанцы съ порочными сердцами! развернише Плутарха, и вы услышише отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *безначаліе хуже всякой власти!*

Или людямъ надлежишъ бышь Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воль, будешъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жершвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей.

Революція объяснила идеи (*): мы уви-

(*) Писано въ 1802 году.

дѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что самое Турецкое правленіе лучше анархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ Государственныхъ потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ Правительствъ должны исправить несовер-

шенства Гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.

То есть, Французская Революція, грозившая испровергнуть всѣ Правительства, утвердила ихъ. Если бѣдствія рода человѣческаго въ какомъ нибудь смыслѣ могутъ назваться благодѣтельными, то симъ благодѣяніемъ мы конечно обязаны Революціи. Теперь Гражданскія Начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

Съ самой половины осьмаго-надесять вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то

внутреннее неудовольствіе; люди скучали, и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло, и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи. . . мы видѣли издали ужасы пожара, и всякой изъ насъ возвратился домой, благодарить Небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ!

—⁂—

Народныя добродѣтели подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ Государствахъ; а безъ высокой народной добродѣтели Республика стоять не можетъ. Вотъ почему монархическое правленіе гораздо щастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падаютъ.

—⁂—

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные нравственные возрасты: мудрый законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея.

—⁂—

Что въ вѣкъ Петра Великаго было достаточно для скораго производства дѣлъ, то во дни Екатерины уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ Россіянина. Опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: что быстрые шаги человѣка къ Философіи и къ гражданскому совершенству *до нѣкотораго отдаленія* бываютъ самые безпокойные. Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть тихое заросшее травою блато, котораго сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философіи, пробуждая мы-

слепную силу, раждаютъ сомнѣнie за сомнѣнiемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанѣ неизвѣстности: время заблужденiй и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя счастливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденiя ожидаютъ его. Такъ и въ гражданскихъ обществахъ. Легко законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды, идеи и страсти малочисленны, котораго душа недѣятельна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгнетъ къ человѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжебныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказать, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды стяжанiя, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ и дающихъ*: тогда раждается

охота къ тяжбамъ, раждается ябеда, сія *хитрость простыхъ*, которая, безпокоя другихъ, сама себя изнуряетъ и стремясь къ непрерывнымъ пріобрѣтеніямъ, ведетъ за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣзни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія счастливая перемѣна не совершится, законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со времянъ Петра Великаго до царствованія Екатерины число тяжебныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища.

—⁂—

Законы хороши: но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы.

—⁂—

Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и естьли бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана.

И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ.

Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ.*

Естьли переставъ на минуту быть эхомъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ Журналистами, мы должны объ-

явить собственное мнѣніе о Консулѣ Буонапарте, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище Революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго Медика, излечившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, естьли онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя на вѣки изгналъ изъ отечества!... Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ люди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга... Видно, что быть искуснымъ Генераломъ и хитрымъ Политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, то есть героически добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Естьли отрасль древней славной фамиліи кажется намъ почтенною; естьли великія дѣла человѣка бросаютъ какой-то лучь на самыхъ отдаленныхъ его потомковъ: то Швейцары могутъ требовать всеобщаго уваженія. Они не Чизальпинцы, пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ. Не въ тѣсномъ и шумномъ Парижѣ, гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину, но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе четырехъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ пастухи, одушевленные любовію къ отечеству, истребляли лучшія Европейскія арміи — среди величественныхъ предметовъ натуры и славныхъ воспоминаній народнаго геройства должны сыны Гельвеціи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патріотизмъ въ гражданахъ. Пусть тамъ легіоны Французскіе въ почтительномъ отдаленіи окружатъ ихъ своими дружескими щитами,

чтобы революціонная необузданность — сіе чудовище, которое родилось во Франціи, не мѣшала спокойному дѣйствію умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствія, объявитъ имъ свое мнѣніе о лучшемъ образѣ правленія для Гельвеціи, не требуя Депутатовъ передъ Консульской тронъ свой! Тогда онъ поступилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генералъ Европы*, дающій воинскіе строгіе приказы!

Знаемъ, что власть и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ; знаемъ, что о вкусахъ спорить не должно (по старинной Латинской пословицѣ), и что иному пріятнѣе жить въ какомъ нибудь великолѣпномъ замкѣ, нежели въ храмѣ Богини Кліо; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ, не надобно говорить о потомствѣ, справедливости, мнѣніи вѣковъ; ибо не Префекты Сен-

Клудскаго замка будутъ писать Исторію.

г. 1802.

—⁂—

Добрый земледѣлецъ есть первый благодѣтель рода человѣческаго и полезнѣйшій гражданинъ въ обществѣ. Гдѣ много Героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба — а хлѣбъ есть корень изобилія.

—⁂—

Богатство народа бываетъ причиною дороговизны. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи.

—⁂—

Естьли роскошь не совмѣстна съ чи-

стыми правами людей, то хорошо ли Законодателю ободрять ее? может ли частное добро перевѣсить общій вредъ? Въ Брешіи многіе люди питаются тѣмъ, что дѣлаютъ прекрасные ножи и кинжалы; но зная, что Италіянскіе Бандиты по большой части тамъ запасаются смертоноснымъ оружіемъ своимъ, доброй человѣкъ не можетъ любить Брешіанскихъ фабрикъ. Нравы должны быть основаніемъ и частнаго и государственнаго счастія; а мы сомнѣваемся въ благонравіи роскошной жены и матери. Когда умѣренность справедливо называется добродѣтелію, то роскошь есть вѣрно порокъ.

Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ страсти къ пьянству. Русской человѣкъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣ-

которое безпамятство, чтобы поднять руку на ближняго.

Принудите злаго дѣлать добро: отвѣчаю, что онъ скоро полюбитъ его. Заставите лѣниваго работать: онъ скоро удивится своей прежней ненависти къ трудамъ. Сократъ называлъ добродѣтель *знаніемъ*: всякой порокъ можно назвать *невѣжествомъ* — ибо онъ есть слѣпота ума; ибо въ немъ гораздо болѣе страданія, нежели пріятности. Иностранные путешественники, видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. «Какъ ему охотно «трудиться (говорятъ сіи господа), «когда помѣщикъ можетъ всегда отнять «у него имущество?» Но смѣю увѣрить ихъ, что такая Философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣнивы отъ природы, отъ навыка,

отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ въ самомъ дѣлѣ отнимаетъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ими богатыхъ и промышленныхъ? Достойно замѣчанія, что нерадивые всегда приписываютъ избытокъ работящихъ не трудамъ ихъ, а счастію! Иностранные глубокомысленные Политики, говоря о Россіи, знаютъ все, кромѣ Россіи. Я разсуждалъ также въ городскомъ кабинетѣ своемъ; но въ деревнѣ перемѣнилъ мысли. У насъ много вольныхъ крестьянъ: но лучше ли господскихъ они обработываютъ землю? по большой части напротивъ. Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ Губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? отъ старанія помѣщиковъ: плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія, надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ. Естьли бы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ филантроповъ, всѣ наложили на крестьянъ

оброкъ, отдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣхали въ городъ, то я увѣренъ, что на другой годъ пришло бы гораздо менѣе хлѣбныхъ барокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ.

—⁂—

Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русской; имѣю ли предразсудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти — но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ. Къ счастію мы живемъ въ такое время, когда мудрое Правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага.

—⁂—

Главное право Русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству какъ вѣрный подданный.

—⁂—

Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

—⁂—

Бѣдствія болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ.

—⁂—

Замѣтьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами; тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ луч-

тія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

—⁂—

Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія.

—⁂—

Сердце Россіянина всегда откликается на гласъ отечества, когда онъ несется съ Трона.

—⁂—

И развалины бываютъ тамъ могилою непріятеля, гдѣ два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра вооружаютъ защитниковъ (*).

—⁂—

(*) Каждый изъ сихъ послѣднихъ пяти оп-

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая*, *моральная* и *политическая*.

—⁂—

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы, и должна быть названа *физическою*.

—⁂—

Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества.

—⁂—

рывковъ написанъ былъ за 10 лѣтъ и болѣе до 1812 года: и каждый изъ нихъ былъ оправданъ событіемъ.

Издатель.

Лапланецъ, рожденный почти въ гробѢ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться сѢверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѢ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѢга: они напоминаютъ ему отечество! — (*).

—⁂—

Съ кѢмъ мы росли и живемъ, къ тѢмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ

(*) Делиль и Шатобріанъ любили приводить подобныя мѣста въ своихъ твореніяхъ. Поэма *Воображеніе* и *Génie du Christianisme* вышли въ свѣтъ послѣ, нежели это было написано; однакожъ любопытные могутъ сличать, а истинные судіи дарованій рѣшить, въ чьемъ слогѣ болѣе краткости, менѣе лишнихъ украшеній и принужденности.

Издатель.

нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зерцаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ моральныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть *моральная* любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ еди-

иноземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного Государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.

—⁂—

Чтобы узнать всю привязанность нашу къ Отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

—⁂—

Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шардена и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *чужихъ* земляхъ, между *чужими* людьми, не то-

скуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!

—⁂—

Физическая и *моральная* привязанность къ отечеству, дѣйствіе Натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія, и потому не всѣ люди имѣютъ его.

—⁂—

Самая лучшая Философія есть та, которая основываетъ должности человѣка

на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и естьли оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою Патріотизма.

—⁂—

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе; слава была колыбелію наро-

да Рускаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны.

Героямъ нашимъ въ IX вѣкѣ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ.

—⁂—

Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства.

—⁂—

Но который изъ народовъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ

міра. И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? Такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю; народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

—⁂—

У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ, — свой Людовикъ XI: Царь Іоаннъ; — свой Кромвель: Годуновъ; — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобнаго: Петръ Великій.

—⁂—

Петръ Великій, *соединивъ* насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Государь сказалъ нашимъ

воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ: они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею.

Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Есть люди и — Русскіе, безъ сомнѣнія, очень скромные — которые утверждаютъ, что Россія не должна и думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцовъ въ году), и что благоразуміе велитъ намъ довольствоваться продажею и куплею на мѣстѣ. Петръ Великій не такъ думалъ. Мудрено ли? Онъ былъ Русской въ душѣ и Патріотъ; а сіи господа или *Англоманы* или *Галломаны*, и желаютъ называться Космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ

съ ними паришь умомъ выше *низкаго* Патріотизма; мы стоимъ на землѢ, и на землѢ Русской; смотримъ на свѢтъ, не въ очи Систематиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѢшнемъ состояніи вещей Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѢховъ мореплаванія; а славное происхожденіе Русскихъ, ихъ гордость народная, безпримѢрная храбрость и внутренняя сила Государственная указываютъ намъ на первую степень въ ПолитикѢ. Естьли бы Петръ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякой островъ могъ бы смѢло оскорблять Русскихъ: наши арміи не имѢли бы средствъ наказать дерзкихъ за моремъ; а сія мысль не утѢшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѢйшей Имперіи въ свѢтѢ. Сверьхъ того сильному Государству надобны

деньги; а ихъ нельзя имѣть много безъ выгодной внѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленность. Россія богата естественными дарами; но они драгоцѣнны единственнымъ своимъ великимъ количествомъ: ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взять угодно. Перевозъ вещей есть также большая выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать ее другимъ народамъ? — . . . « Но Русскія моря замерзаютъ! . . . » Однакожъ кромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ. . . Да и сіе неудобство главнаго Русскаго порта, то есть Кронштатскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышлен-

ности. Корабль имѣетъ время сходить въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо; и чтобы не стоять ему праздно 6 мѣсяцовъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для отдаленнаго мореплаванія съ новымъ грузомъ, чтобы возвратиться лѣтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы — Норманы, нечужіе Русскимъ, — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на брегахъ Франціи, Италіи — правда, не для торговли, а чтобы славиться храбростію. Русскимъ недостаетъ одного для успѣховъ ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предпріимчивости; но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ.

Теперь военные корабли снабдили купеческіе Офицерами и матрозами: со временемъ купеческіе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбіе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы предпринимая окружить землю, должны были нынѣ ку-

пишь Англійскіе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Русскихъ: давно ли занимаемся искусствомъ мореплаванія? давно ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ?* Вспомнимъ, что и самая Англія покупала нѣкогда чужіе корабли для своей Индѣйской торговли: Ганзейскіе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англія есть первая морская Держава!

Пусть вѣтры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному Океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцами. Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армія! Мы жгли флоты непріятельскіе на Эгейскомъ морѣ, истребляли ихъ на Балтійскомъ, счастіемъ, великимъ духомъ ЕКАТЕРИНЫ и Русскою храбростію: намъ остается доказать, что можемъ господствовать на семъ эле-

мнѣнiѣ и народною, торговою, умною предпрiимчивостiю!

г. 1803.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *перенимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованiя души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *перенимчивость*.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состоянiе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германiи, въ Англiи и проч. Естьли бы наши молодые дворяне *учась*, *могли доучиваться* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣ-

хи Литтературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя Науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ XVI вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять наряду съ ихъ лучшими, какъ въ живости мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ, и славны чужою славою: Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ.

—⁂—

Я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литтературы, не хотятъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняют-

---

(*) Авторъ говорилъ тогда о переводахъ нѣкоторыхъ одъ Ломоносова и Сумарокова. Онъ изъ скромности не коснулся бы сей истины тогда, когда она подтвердилась переводомъ превосходнѣйшаго творенія, которымъ гордимся мы предъ народами.

Издатель.

ся худымъ знаніемъ Русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины (*).

—⁂—

Нашъ языкъ въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

—⁂—

(*) Сіи статьи были приличнѣе къ тому времени, когда были писаны, ибо Русскіе съ тѣхъ поръ имѣютъ болѣе уваженія къ отечественной Словесности; но онѣ помѣщаются здѣсь какъ памятники, долженствующіе питать признательность нашу къ тому, кто первый возбуждалъ въ насъ это уваженіе.

Издатель.

Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ?

—⁂—

Языкъ важенъ для Патріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ язы-

комъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

—※※—

Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости.

—※※—

Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

—※※—

Французъ, который жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ оттуда въ Московскихъ газетахъ (*), что онъ близъ Парижа завелъ пансіонъ для Русскихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей от-

---

(*) Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца 1801.

правишь къ нему изъ Россіи дѣшей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному, особливо же языку Русскому! Живучи въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господина N. N. Французы вѣтрены — были и будутъ! Снисходительный человѣкъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забыть священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердецъ чужому, неизвѣстному человѣку? Мы готовы платить Французамъ, или другимъ иностранцамъ, за уроки въ ихъ языкахъ, которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ ему средствомъ просвѣщенія: у насъ

есть деньги! Но у насъ есть и разсудокъ. Мы знаемъ первый и святѣйшій законъ Природы, что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ, которая есть главная часть воспитанія; мы знаемъ, что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу мыслей и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ — а намъ для государственнаго счастія не надобно ни Французовъ, ни Англичанъ! Пусть въ нѣкоторыя лѣта молодой человѣкъ, уже приготовленный къ основательному разсужденію, ѣдетъ въ чужія земли узнать Европейскіе народы, сравнять ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ, чувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ! я не боюсь за него: сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ сво-

ихъ; оно будетъ стремиться къ намъ изъ отдаленія; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ: *хорошо; но вЪ Россіи семейство мое, друзья, товарищи моего дЪтства!* Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой страны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но *всегда, всегда любитЪ ту, вЪ которой воспитывался*: истина важная для отцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоцѣнность души; онѣ всего для насъ милѣе, подобно какъ самый простой весенній цвѣтокъ радуетъ насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Естьли отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую зе-

млю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя нравственныя, сильныя чувства, и сама Натура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ старается заранѣе узнать ея обычаи, и естьли не дѣломъ, то хотя воображеніемъ привыкаетъ къ нимъ, зная, что непривычка къ образу мыслей и жизни тѣхъ людей, съ которыми намъ ежедневно быть должно, производитъ для насъ многія, существенныя непріятности. Сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать Руских, съ которыми у него одно гражданское и нравственное счастіе: а я пошлю его къ Французамъ?

Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени сближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останется въ свойствахъ, обычаяхъ и правахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, *судьбы нашихъ предковъ* и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ Философами.

Господинъ N. N., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: «вы должны согласиться, что человѣкъ еще «важнѣе гражданина: а человѣкъ можетъ «лучше образоваться во Франціи, нежели «въ Россіи.» Первое справедливо: на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у насъ есть всѣ способы просвѣщенія, какіе только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учатъ одному, по однимъ авторамъ и книгамъ. Самый Французской языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать также хорошо, какъ и въ Парижѣ; по-

ложимъ, что и не такъ хорошо: но нѣкоторые совершеннѣйшіе его оттѣнки награждаютъ ли за нравственный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе Французскаго; а господинъ N. N., не смотря на свое милостивое обѣщаніе, не выучитъ дѣтей нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по Руски, какъ они здѣсь выучатся. Питомцы его, чрезъ 6 или 7 лѣтъ возвратясь въ Россію, стали бы терзать слухъ нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: « мы *говоримъ языкъ* свой; мы знаемъ « *Матиматики*; мы *представляемъ* « *наши почтенія* согражданамъ » — а сограждане назвали бы ихъ глупцами, невѣждами, дурно воспитанными людьми; ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ конечно дурно воспитанъ, хотя бы зналъ наизусть и всѣ книги Браминовъ; они сказали бы симъ полу-Галламъ: « за чѣмъ вы къ намъ пріѣха-

« ли? за чѣмъ не остались во Франціи?
« Мы не признаемъ васъ земляками свои-
« ми; вы недостойны называться Рус-
« кими, которые гордятся языкомъ Свя-
« тослава, Владиміра, Пожарскаго, Пе-
« тра Великаго. Вы не имѣете отечест-
« ва: ибо и самые Французы, не смотря
« на то, что вы прекрасно даете чув-
« ствовать нѣмое Е, не признаютъ васъ
« Французами!...» И добродушные ро-
дители, лишивъ себя неизъяснимаго удо-
вольствія видѣть въ лицѣ и въ душѣ ми-
лыхъ дѣтей постепенное развитіе кра-
соты физической и нравственной, вмѣ-
сто благовоспитанныхъ людей увидѣли
бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или
попугаевъ, которые наименовали бы имъ
всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли
бы съ чувствомъ произнести священнаго
имени Россіи, отца, матери и сограж-
данъ!

Но я, подобно славному рыцарю Донъ-
Кишоту, сражаюсь съ вѣтренными мѣль-

ницами, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отправить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ которымъ безъ сомнѣнія и самые Французы смѣются.

—⁂—

Для насъ, Руских, съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка. Съ сими понятіями, вѣроятно, и закрою глаза для здѣшняго свѣта.

—⁂—

Должно пріучать Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Артиста и сильныхъ дѣйствій Искус-

ства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами Патріотизма.

—※※—

Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагренномъ ихъ кровію. Можетъ ли Искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу

видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ XIII вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Рускомъ, отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями! . . . А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ Патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Руское еще любезнѣе и дороже.

Въ царствованіе АЛЕКСАНДРА позволено желать Рускому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ (Пожарскому и Минину) обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Руской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа.

—⁂—

Таланту Рускому всего ближе и любезнѣе прославлять Руское.

—⁂—

Изъявимъ желаніе, чтобы когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или достойныхъ сей чести. Въ разсужденіи древности благоразумный Авторъ ограничитъ себя Несторомъ и не вздумаетъ начать — на примѣръ — съ Томириды, Скиѳской Царицы, которая, естьли вѣрить Геродоту и Діодору Сицилійскому, приковала къ кресту несча-

стнаго Кира. Предки наши Славяне были конечно Скиѳскаго племени; но естьли дозволимъ себѣ восходить такимъ образомъ въ Исторіи народовъ, то доберемся наконецъ до Адама и должны будемъ говорить объ Евѣ, какъ о первой знаменитой Россіянкѣ. Нѣтъ, галлерея наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой Княжны Софіи, супруги Князя Іоанна, (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія)– матери Царя Іоанна Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Годуновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера — и трогательной, невинной Ксеніи. – Правда, что Руские лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ Біографій, крайне скупы на подробности; однакожъ умъ

внимательный, одаренный историческою догадкою, можетъ дополнить недостатки соображенiемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую Греческую надпись, по двумъ буквамъ угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Русская Исторiя имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наименуемъ изъ нихъ Наталiю Кириловну, дочь бѣднаго дворянина, и Царицу Россiи, и мать Петра Великаго, въ Дѣвическомъ уединенномъ теремѣ и въ Царскихъ чертогахъ равно смиренную, кроткую, добродѣтельную, такъ, что никакой микроскопъ исторической строгости не открываетъ въ ея жизни ни малѣйшаго пятна — Софiю, почти великую, — умомъ славу Россiянокъ, духомъ сестру Петрову, сердцемъ женщину, но любезную — Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ея, чудесной и рома

нической. Не знаю, дозволитъ ли полиптика въ наше время Философу-Историку свободно и торжественно судить царствованія Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-Авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Должно отличить сердце Анны отъ Ея строгаго правленія: какъ женщина, Она была умна и добродушна (по разсказамъ нашихъ отцевъ и всѣмъ извѣстіямъ чужестранцевъ); какъ Государыня — имѣла нещастіе уважать Бирона: но имѣла достоинство огорчаться его жестокостію. Имя Елисаветы напоминаетъ — естьли не чрезвычайныя, великія дѣла, то по крайней мѣрѣ веселый Дворъ и щастливое царствованіе, которое послѣ бывшихъ строгостей казалось весьма человѣколюбивымъ. Россія на первыхъ мѣстахъ Государственныхъ увидѣла опять Русскихъ, снова услышала вокругъ трона любезный языкъ свой,

отдохнула и оживилась. При Елисаветѣ родилась и торжествовала наша Поэзія. Счастливая пѣсня дѣлала счастье стихотворца, и какая-то нѣжность была общимъ характеромъ Двора Государыни мягкосердечной, не хотѣвшей наказывать смертію и самыхъ злыхъ преступниковъ. Довольно для пріятной картины! — Наконецъ не на одномъ тронѣ сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнитъ, на примѣръ, сію Графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, естьли бы Руские умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Руских. Однимъ словомъ, *галлерея славныхъ Россіянокъ* можетъ быть весьма пріятнымъ сочиненіемъ, естьли Авторъ, имѣя талантъ и вкусъ, изобразитъ лица живы-

ми красками любви къ женскому полу и къ отечеству. Нужно ли сказывать, кому надлежало бы приписать такое сочиненіе *въ наше время?* . . . .

г. 1803 (*).

—※※※—

Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича (въ селѣ Алексѣевскомъ) гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце. Я съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за

(*) Здѣсь издатель долженъ былъ оставить годъ; ибо потомки счастливыхъ Россіянъ легко могутъ не узнать, къ кому относились сіи послѣднія строки: добродѣтели никогда не сходили съ Россійскаго трона.

Издатель.

дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившій Царю.

Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять у нихъ; но самое просвѣщеніе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще занимательнѣе.

Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, что любимъ; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣденіе о прошедшемъ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, не-

обходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

И простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ Государствен-

ныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества, народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вы-

мыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Естьли всякая Исторія, даже и не искусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный Космополитъ

есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его.

Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только

Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ, никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степе-

нахъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговремянной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ

сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько, другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы *храбрые*, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно Государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ

на колыбель ПЕТРА — и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблественныхъ Патріотовъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ Государственныхъ бѣдствій, и Царь АЛЕКСѢЙ, мудрый отецъ Императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣть право на вниманіе.

—⁂—

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть

пріятно : она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины ; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣеписаніяхъ Древности. Естьли исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? Голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ : толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, естьли забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ

намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агрипину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова, съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимають много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно,

сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной *картинѣ* и начать *обстоятельное* повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ Государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи *картины* не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость Авторскаго кра-

спорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу Государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному? . . . (*) — Такъ я

(*) Здѣсь мы должны благодарить Автора, какъ Римляне благодарили Консула Варрона. Самая вѣтренная молодежъ съ величайшимъ прилѣжаніемъ читала *всѣ* томы. Свѣтскія дамы разсуждали при мнѣ о поступкѣ Всеволода подъ стѣнами Переяславля; сравнивали его съ Аристидомъ, и находили еще великодушнѣйшимъ; ибо Аристидъ *говорилъ въ совѣтѣ*, а Всеволодъ *дѣйствовалъ въ полѣ*, видя опасность и выгоды не

мыслилъ и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ *современникъ*, смотря въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ.

—⁂—

Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ времянахъ (междоусобія), скудныхъ для славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до ны-

---

отдаленными, не предполагаемыми, но явными и близкими.

Издатель.

нѣйшей степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являются также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь ими, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли

ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости правоучительной, но токмо истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло.

. . . .

Историку непозволительно, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ.

Чтожъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ харпіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Знаніе всѣхъ Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія (*).

(*) Имъ-то наиболѣе пріобрѣлъ почтенный Историкъ нашъ право на безсмертіе. Помѣщен-

Каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. « Не подражай Тациту, но пиши, « какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ », есть правило Генія.

—⊱⊰—

Искусное повѣствованіе есть *долгЪ* Бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль *дарЪ*: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда

ные здѣсь, сообразно свойству сей книги, историческіе отрывки, заключающіе въ себѣ его разсужденія, и описанія характеровъ, хотя и безцѣнны по своду сильныхъ мыслей и мудрыхъ правилъ; но не могутъ въ полнѣ удовлетворить тѣхъ читателей, которые не принесли еще дани удивленія искусству его въ повѣствованіи; то есть, не читали его Исторію Россійскаго Государства.

Издатель.

весьма плодовитый въ изъясненіяхъ причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ?

—⁂—

Юма назвали бы мы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ Историковъ, естьли бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіѣ всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше,* оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

—⁂—

Не дозволяя себѣ никакаго изобрѣтенія,

я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія (*); хотѣлъ представить и ха-

(*) Касательно же повѣствованій о нѣкоторыхъ феноменахъ мы смѣемъ думать, что почтенный Авторъ, сохраняя, такъ сказать, колоритъ изображаемыхъ имъ вѣковъ, исполнилъ и одну изъ важныхъ обязанностей Историка: не умалчивать, и не говорить съ презрѣніемъ

рактеръ времени, и характеръ Лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего,

---

о томъ, что можетъ казаться ему не правдоподобнымъ. Геродотъ служитъ примѣромъ, утверждающимъ сіе заключеніе. Повѣствуя о путешествіи Финикійскаго корабля, который былъ отправленъ Египетскимъ Царемъ по Чермному морю, и который чрезъ три года возвратился по Средиземному, онъ говоритъ: « Финикіяне сказывали, что, когда они плыли около « береговъ Либіи, солнце было у нихъ въ правой « сторонѣ. Мнѣ кажется это не совсѣмъ правдо- « подобнымъ, но, можетъ быть, другіе найдутъ « его таковымъ. » Сіе обстоятельство, приведенное Геродотомъ, заставляетъ насъ вѣрить истинѣ самаго событія, о которомъ онъ повѣствуетъ. Прочіе древніе Историки и Географы отвергли истину самаго событія, потому только, что находили несодѣяннымъ замѣчанный

или сказать все о такомъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею.

—⁂—

Историкъ не Лѣтописецъ: послѣдній

случай, и заслужили укоризну, а Геродотъ, за то, что не умолчалъ объ ономъ, общую похвалу. Многіе феномены и произшествія кажутся намъ вымышленными и суевѣріемъ утвержденными; но кто знаетъ, какія открытія сдѣлаетъ еще разумъ человѣческой въ царствѣ Природы? Древніе сомнѣвались въ дѣйствіи тяготѣнія воздуха: Торичели и Паскаль доказали оное. Архимедово зеркало казалось баснословнымъ; а оно снова у насъ появилось. Полуученые отвергали многіе случаи, о которыхъ повѣствуетъ Пилиній, а они ежедневно оправдываются опытами. Какъ долго смѣялись надъ каменными дождями, о которыхъ упоминаетъ Титъ Ливій: но уже болѣе полвѣка никто въ истинѣ оныхъ не сомнѣвается.

Издатель.

смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній.

—⁂—

Для охотниковъ все бываетъ любопытно (*): старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ.

—⁂—

Съ охотою и ревностію посвятивъ лучшее время моей жизни на сочиненіе сихъ Томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, естьли бы не находилъ я истиннаго удовольствія

(*) Здѣсь говорится о *Примѣчаніяхъ* въ концѣ каждаго тома Исторіи.

Издатель.

въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ: то есть, сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снизходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, естьли за землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

(Изъ письма къ другу, писаннаго ровно за 7 мѣсяцевъ до кончины Автора.)

Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ Небу за свое Историческое дѣло? Знаю, *что* и *какъ* пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. . . . За неимѣніемъ читателей могу читать себя и бормотать сердцу, *гдѣ* и *что* хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты,

« Какъ лебедь, на водахъ Меандра
« Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда. »

Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ слад-

кое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству (*).

(*) Въ предъидущей статьѣ онъ говоритъ публикѣ какъ Писатель; здѣсь говоритъ другу: слѣдовательно какъ человѣкъ. Такое сходство одного съ другимъ являетъ въ немъ того и другаго великимъ.

Издатель.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

